

СЕМАНТИКА
НА РАЗНЫХ
ЯЗЫКОВЫХ
УРОВНЯХ

2242

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра немецкой филологии

СЕМАНТИКА НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Межвузовский сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1979

Статьи, представленные в сборнике "Семантика на разных языковых уровнях", носят прикладной характер и могут быть использованы студентами-германистами, аспирантами и преподавателями.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Король Т.В., Лихтерова Б.Л. (отв. редактор),
Вольперт Р.Х., Тилтия М.П.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки от 26 октября 1979 года

С 70104-130у рез.79.4602000000
М 812(II)-79

© Латвийский
государственный
университет
им.П.Стучки, 1979

В.И. Агамджанова
ЛГУ им. П. Стучки

О ДВУХ ПОДХОДАХ К КОНТЕКСТУ КАК ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

§ I. Выявление свойств контекста "как объективной реальности, которая подвергается специальному изучению" [1, с. 32], и отражение этих свойств в определении понятия "контекст" зависит от того, какая функция берется за отправную точку в изучении данного явления.

Контекст в своих отношениях со словом полифункционален [2, с. 3-10]. Общность и различие в природе контекстуальной взаимообусловленности ядра и индикатора при реализации идентифицирующей и актуализирующей [3, с. 9-18] и восстановительной [4, с. 12] функций отражает общность и различия двух подходов к констатации и объяснению зависимости "семантически реализуемого слова" и его "указательного минимума" [5, с. 28], с одной стороны и семантически восстанавливаемого лексико-семантического варианта слова и восстанавливающего минимума [6, с. 20-24] с другой.

Первое, наиболее развитое направление, подходит к контексту с точки зрения смысловазличительного взаимодействия ядра и индикатора. Семантический результат взаимодействия семантически реализуемого слова и его указательного минимума предстает как однозначный выбор и актуализация лексического значения ядра.

При этом объективной основой выбора и последующей актуализации лексического значения слова в контексте являются дифференциальные признаки, т.е. признаки, которые составляют отличительную часть лексико-семантических вариантов в системе значений данного слова. С позиции идентифицирующей и актуализирующей функций, контекст проявляет себя как комплекс указательных стрелок, направленных на отличительные приметы, признаки, по которым опознается соответствующее значение слова.

При опознании и конкретизации лексического значения слова в контексте нет необходимости в экспликации всех признаков, тождественных в составе ядра и индикатора, для этого достаточно выявления формальных показателей, указывающих на отличитель-

ные приметы ЛСВ в системе значений данного слова.

Но положение принципиально меняется, если к тем же речевым условиям подойти с точки зрения восстановительной функции контекста, предусмотренной языком на случаи коммуникации в неблагоприятных условиях. Восстановление утраченного или искаженного элемента в контексте практически не возможно без установления всех тождественных элементов восстанавливаемого (воспроизводимого) и восстанавливающего (воспроизводящего) контекста. Следовательно, объективной основой второго, так же как и первого подхода к контексту, является вся тождественная часть содержания взаимодействующих в контексте слов. Но, если при смысловоразличении учитывается тождество тех признаков, которые являются дифференциальными в составе ядра, то в условиях помех существенна экспликация всех тождественных признаков восстанавливаемого ядра и восстанавливающего минимума.

Теоретическая база второго направления в контекстологии разрабатывается в сфере изучения действия закона семантического согласования.

Таким образом, при единстве материальной основы контекста как сферы действия закона семантического согласования, как реальной данности с диалектикой ее отношений и единстве основных теоретических посылок, отражающих эти условия, два указанных подхода к контексту отличаются по точке опоры: первый опирается, прежде всего, на отличительные, вариантные признаки лексико-семантических вариантов в системе значений слова, второй — как на инвариантные (в том числе на категориальные), так и вариантные признаки в составе реализованного в контексте слова. При смысловоразличении контекст — "лакмус", "индикатор", "указатель", направленный на отличительные, опознавательные знаки лексико-семантического варианта слова, во втором — контекст-картина лексического значения слова, воссозданная по деталям, зафиксированным в контексте. Воспроизвести облик, искаженного или по каким-то причинам утраченного в контексте слова, значит выявить тождественную часть содержания в семантике восстанавливаемого слова и его восстанавливающего контекста.

Два подхода к контексту могут быть проиллюстрированы на примере дистрибуции глагола **to launch** — вызывать (каузировать) действие, движение; начать; спускать на воду; начинать изда-

вать; бросать, метать; запускать.

Констатация тождества лексико-семантических вариантов глагола **-to launch** - и его контекста при реализации идентифицирующей функции

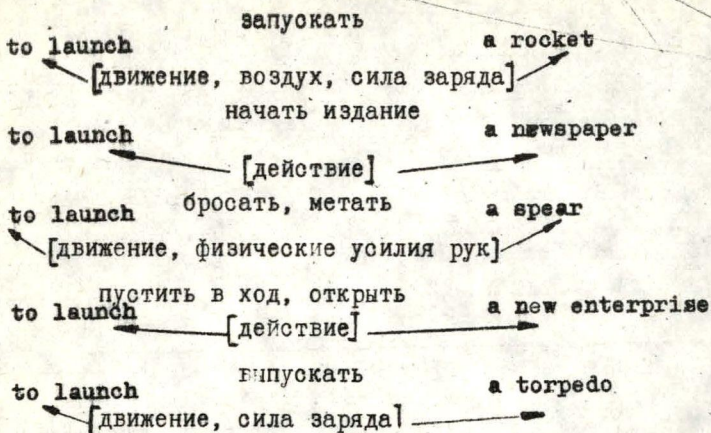
Значение	Инвариантные признаки	Вариантные, дифференцирующие признаки	Индикатор значения
Спускать на воду	вызывать, начало действия, движения	судно, вода	a ship
Запускать		летательный аппарат, воздух сила заряда	a rocket
Начать издание		печатный орган, издание	a newspaper
Бросать, метать		предмет, физические усилия руки	a spear (at...)
Пустить в ход		предприятие	a new enterprise
Выпускать		предмет, сила заряда	a torpedo

Как свидетельствует приведенный материал, указательный минимум (контекст I степени по Н.Н.Амосовой), который представлен названиями специфичных объектов, на которые направлено действие, действует на базе дифференциальных признаков без экспликации итеративности (повторяемости) инвариантных признаков, тождественных в лексико-семантических вариантах глагола **to launch** и существительных **a ship, rocket, newspaper, spear, new enterprise, torpedo**.

Констатация тождества лексических значений **to launch** и согласующихся с ним контекстов при реализации восстановительной функции

to launch спускать на воду **a ship**

[движение, вода]

Итак, реализация всех функций контекста (уточняющих: идентифицирующей, актуализирующей и восстановительной) осуществляется на базе тождественных признаков контекстуально связанных слов. Однако, при смысловом различии тождество признаков, являющихся инвариантными в составе ядра, является избыточным и экспликации не подлежит. Сравни пример: **to launch a ship**, где значение "вызвать (начать) движение судна на воде" опознается по признакам "судно на воде", воспроизведенных в слове **a ship**. Тождество **to launch** и **a ship** по признаку "движение" для осуществления идентифицирующей функции не существенно и является как было сказано, избыточным.

При реализации восстановительной функции существенно эксплицитное выражение как признака "движение" так и "вода" в составе **to launch a ship**.

§ 2. Вопрос о единице контекста является центральным и наиболее сложным в контекстологии. От адекватности установления единицы контекста при реализации его функций зависит успешность существенного раскрытия семантических отношений семантически реализуемого слова с указательным минимумом.

Общее положение Н.Н.Амосовой о контексте как сочетании уточняемого слова с его указательным минимумом конкретизировано в определениях единицы контекста Л.А.Никольской и М.Е.Цыпшевой. "Сочетание уточняемого слова с его указательным минимумом, вычленимым из имеющегося речевого целого, называется единицей контекста ... В отрезках речи единица контекста оформлена в единый семантический комплекс на основе тех или

ментов, лежащих в основе семантического согласования ядра с его актуализирующим или восстанавливающим минимумом. Минимальность и достаточность выделяемой единицы контекста детерминруется смысловой структурой контекстуально уточняемого или контекстуально воссоздаваемого слова и будет различной при реализации различных функций.

К факторам, определяющим границы единицы контекста, относятся семантические признаки, характеризующие принадлежность слова к определенному лексико-грамматическому классу слов (категориальные признаки) и семантические признаки, характеризующие принадлежность слова к определенному семантическому классу внутри данной части речи. "Категориальная природа слова определяет синтаксическую структуру единиц контекста, а его лексико-семантическое своеобразие будет, видимо, зависеть от смысловой структуры слова как члена определенного семантического класса" [12, с. 59]. В связи с указанным структурно-семантическим фактором минимальный и достаточный опознавательный контекст выделяется в пределах предложения. "Выделение контекстных единиц производится на основе той синтаксической функции, которую уточняемое слово выполняет в составе предложения" [13, с. 71]. Минимальная смысловозначительная единица контекста может быть двухэлементна [13, с. 70, 71]. Минимальная единица контекста при актуализации и воспроизведении ядра не может быть двухэлементным сочетанием. Если при осущетствлении идентифицирующей функции минимальный и достаточный контекст может состоять из одного непосредственно связанного слова, выделённого из речевой синтаксически оформленной единицы - предложения - высказывания, то актуализация или восстановление слова может осуществляться только в речевой единице, не меньшей, чем предложение-высказывание.

Так, для опознания значений "переводить", "передавать", "сообщать", "выражать", в глаголе **to convey** достаточно сочетания с существительными, обозначающими объект, на который направлено действие: **to convey passengers, goods; to convey water; to convey an idea, some information; to convey feelings; to convey land.**

Обладая избирательной силой, словосочетание остается единицей в арсенале языковых номинативных средств, которая лишена конкретизации, присущей актуальной речи.

Минимальной единицей контекста для актуализации I I4 I и восстановления ядра (в данном случае однозначное), как было указано, может быть речевая единица не меньше, чем предложение.

Так, в предложениях: *Some trains ... both passengers and goods; Pipes ... hot water from a boiler to all parts of a building; This picture will ... to you some idea of the scenery; Words fail ... my feelings; I will ... the information to him* актуализация или однозначное воспроизведение значений "переводить", "передавать", "выражать" пропущенного глагола *convey* возможно только потому, что итеративные, повторяющиеся признаки - основа как восстановления, так и актуализации ядра нашли свое формальное выражение как в синтаксисе, так и в лексике предложения. Если для однозначного выбора значения *to convey* достаточно упоминания объекта, на который направлено действие, то актуализация и однозначное воспроизведение значений данного глагола не возможна без упоминания как объекта, так и субъекта действия.

Итак, границы единицы контекста в итоге задаются семантическими признаками в составе ядра. Границы единицы контекста находятся в сфере действия семантического согласования ядра с его индикатором. Состав единицы контекста зависит от реализуемой функции.

Идентификация семантически реализуемого слова осуществляется как минимум в словосочетании и как максимум в предложении. Актуализация и воспроизведение лексического значения слова осуществляется как минимум в предложении и как максимум в тексте - структурно-семантически едином целом.

§4. Анализируемые интерпретации контекста и его единиц принципиально отличаются и по логическим способам отыскания значения слова по контексту. Установление семантического результата как при опознании, так и при актуализации и воспроизведении ядра является "логическим процессом умозаключения, выведения следствия из найденных посылок I I5, с. 48 I. При реализации идентифицирующей функции логическим процессом умозаключения является дизъюнкция. "По своей логической структуре рациональный процесс выбора необходимого значения слова по контексту представляет собой формирование вывода из разделительного умозаключения, где в большой посылке перечислены в

форме дизъюнкции возможные значения соответствующего слова. Сам вывод делается на основе исключения неправильных вариантов из дизъюнкции большей посылки (малая посылка). Так, в большей посылке перечислены возможные значения слова А (А может иметь значение или V_1 , или V_2 , или V_3 и т.д.), в малой посылке исключаются варианты V_1 и V_2 , что затем дает в выводе значение для A - V_3 [15, с.48]. Для иллюстрации процесса опознания лексического значения слова в контексте, протекающего для лингвиста в форме дизъюнкции, приведем анализ выбора значения слова *a bit* в словосочетании *a bit and a drop*, данный Н.М.Зьяновой. Значение "немного еды и глоток вина (или воды)", выявляемое в сочетании *a bit and a drop* в составе предложения, может быть уточнено в пределах самого сочинительного сочетания. Сравним смысловые структуры существительных *bit* и *drop*:

bit

drop

<p>I. 1) маленький кусочек чего-либо,
 2) небольшое количество еды,
 3) короткий отрезок времени,
 4) мелкая монета (разг.)</p> <p>II. 1) удила,
 2) контроль,
 3) бородка ключа,
 4) режущий инструмент,</p> <p>III. Знак в двоичной системе (в вычислительных машинах)</p> | <p>1) капля,
 2) небольшое количество жидкости или вина,
 3) все, что напоминает по форме каплю: а) серьга, б) леденец, в) медицинские капли,
 4) внезапное снижение,
 5) капкан,
 6) копёр (техн.),
 7) отверстие в почтовом ящике или щель в автомате,
 8) разновидность удара по мячу (спорт.),
 9) поднимающийся занавес (театр.)</p> |
|--|---|

На основе лексической однородности значений в сочетании *a bit and a drop* исключаются значения под цифрами II и III, а на основе стилистической однородности - все отмеченные значения обоих существительных, т.е. *bit*₄ (с пометой "разг."), *drop*_{5,8,9} (с пометами "техн.", "спорт.", "театр.") и *drop*₉ в употреблении которого ограничено формой множественного числа.

Лексически и стилистически однородными являются значения 1:1 и 2:2, т.е. "кусочек и капля" и "небольшое количество жидкости или вина" [16, с.30-31] I.

Логическая операция дизъюнкции в определении единицы контекста протекает как операция исключения из текста тех элементов, которые не участвуют в реализации значения уточняемого слова [5, с.28] I. Исключение "контекстуально пассивных элементов" [7, с.8] из текстового отрезка продиктовано, как было указано, требованием минимальности и достаточности, предъявляемым к единице контекста.

Но если идентификация ЛСВ в выделенной единице контекста протекает как дизъюнкция, то логический процесс умозаключения, выведения следствия из данных посылок при актуализации или воспроизведении ЛСВ протекает как конъюнкция, логическая операция, соединяющая два или более высказывания при помощи союза "и". Актуализация или воспроизведение ЛСВ осуществляется как сбор и упорядочение информации о признаках, реализованных ядром в данном контекстуальном окружении. Вывод о значении актуализированного или воспроизведенного ядра представляет собой конъюнкцию, соединение ряда суждений, описывающих признаки этого ядра. Так, из сложного конъюнктивного суждения " $A \wedge B$ ", где А и В - переменные, а знак \wedge означает союз "и" [17, с.229] I, в качестве заключения получаем значение С. Проиллюстрируем конъюнктивное, соединительное суждение, из которого следует вывод о значении восстанавливаемого ядра на примере слова track, пропущенного в следующем тексте:

We got up out of the blind and went over to look in the dust for We saw several kudu ... , probably made early in the high, and one big bull ... , long, narrow, deeply cut. We took the ... and followed it on the damp reddish earth for two hours in thick bush. Finally we had to leave it. (E.Hewingsway. Green hills of Africa. Учпедгиз. М., 1962, p.40).

Материальным основанием для соединительного суждения, характеризующего значение пропущенного слова, служат следующие формальные показатели:

Предикативно-объектные сочетания	Атрибутивные сочетания	Сочетания с синтаксической функцией обстоятельства
to look for -	several -	in the past
saw -	kudu -	early in the night
took the -	bull -	on the earth
followed - (it)	- made	
to leave - (it)	- long	
	- narrow	
	- deeply cut	

Выделенные элементы текста позволяют утверждать, что пропущенное слово означает что-то определенной длины, ширины, глубины и что-то, оставляемое животными на земле, и что-то, по чему можно идти, следовательно пропущенное слово означает "тропу, следы" — track. Данное конъюнктивное суждение может быть записано как $(A \wedge B \wedge C) \rightarrow D$.

Говоря о дизъюнкции при смысловом различии и конъюнкции при актуализации и восстановлении ядра, важно подчеркнуть, что операции разделительного и соединительного умозаключений совершаются эксплицитно (и то не всегда) лингвистом, проводящим семантический контекстуальный анализ, читающий же совершает эти логические операции имплицитно — без формализации их как методики контекстологического анализа [I, с.32]. Б.М. Лейкина говорит по этому поводу: "Решение различного рода неоднозначностей является такой "массовидной" задачей в речевой деятельности человека, что соответствующие действия отработаны до степени, близкой к автоматизму, и обычно не осознаются воспринимающим речь. Задача "снятия" неоднозначности языковых единиц выступает обычно не как самостоятельная задача, а как невычленимый компонент общей многомерной перцептивной задачи выявления смысла воспринимаемой речи" [18, с.268].

Итак, объективной основой общности двух подходов к контексту является семантическая согласованность, тождество части семантических признаков контекстуально связанных слов. Контекст как условие идентификации/актуализации, с одной стороны, и восстановления ядра — с другой, противопоставлены: по составу тождественных признаков; в первом случае

необходимы дифференциальные (вариантные) признаки и избыточные инвариантные в составе ядра, во втором необходимы как дифференциальные (вариантные), так и инвариантные;

- по имплицитности /эксплицитности: тождественных признаков;
- по единице контекста: словосочетание → предложение, / предложение → текст;
- по логическому процессу умозаключения: дизъюнкция/ конъюнкция.

Следует указать, что актуализирующая функция, будучи уточняющей, по условиям своей реализации приближается к восстановительной (см.: единицы контекста, логические способы отыскания значения слова по контексту).

§5. Различия в подходе к контексту отражены в общих определениях контекста.

Контекст как условие уточнения значения многозначной языковой единицы является диалектическим единством языковой парадигматики и речевой синтагматики: "Если термином "контекст" обозначить только словесный контекст, то контекстом окажется отрезок текста, вычлененный и объединенный языковой единицей, которая функционирует в нем, выявляя свое значение. Контекст как особое явление речевой деятельности объединяет языковые и речевые средства, создает условия их проявления и использования" [1, с.19]. Контекст, уточняет Б.М.Лейкина, минимальный отрезок текста, в пределах которого выявляется значение данной переменной [3, с.11]. Каждому элементу парадигмы языковой единицы, в нашем случае каждому значению многозначного слова, соответствуют свои условия реализации. "Контекст может быть определен как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т.д.)" [15, с.47].

Контекст как условие воспроизведения значения слова представляет собой систему повторов, совокупность взаимосвязанных формальных условий, многократно и варьируемо дублирующих признаки значения ядра и тем самым создающих его избыточность [6, с.10].

Сравнение общности и различия контекстуальных условий при реализации идентифицирующей, актуализирующей и восстановительной функций представляется чрезвычайно перспективным.

Подобное сравнение выявляет объективную основу расширения сферы применения контекстологической теории и обогащает контекстологию способами эксплицитного представления тождества ядра и индикатора и тем самым увеличивает объяснительную силу общих теоретических положений о взаимообусловленности семантики синтагматически связанных слов.

Литература

1. Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие. - В кн.: Языковые единицы и контекст. Л., 1973, с. 7-32.
2. Агамджанова В.И. Полифункциональность контекста и семантизация неизвестных слов. - В кн.: Иностранные языки в высшей школе. Рига, 1976, вып. 4, с. 3-10.
3. Лейкина Б.М. Идентифицирующая и актуализирующая функции контекста при речевосприятии. - В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с. 9-18.
4. Агамджанова В.И. О контекстуальном анализе, направленном на определение значений неизвестных слов при бессловарном чтении. - В кн.: Иностранные языки в высшей школе. Рига, 1969, с. 8-22.
5. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
6. Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. Рига, 1977. 123 с.
7. Никольская Л.А. О терминологическом уточнении основной категории контекстуального анализа (от "контекста ситуации" к "единице контекста"). - В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с. 5-9.
8. Амосова Н.Н. Контекстуальные функции служебных слов. - В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1971, вып. 4, с. 146-164.
9. Цыпышева М.Е. Контекстуальная роль предлога. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1967, вып. I.
10. См. в частности: Языковые единицы и контекст. Л., 1973; Вопросы английской контекстологии, Л., 1974; вып. I.; Реализация значения и контекст. Л., 1975.
11. Арнольд И.В. Лексикология английского языка. Л., 1966.

12. Кашеева М.А. Специфика смысловой структуры некоторых качественных прилагательных и ее речевой актуализации. - В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с. 59-70.
13. Никольская Л.А. Структурная организация контекстных единиц с именем прилагательным - семантически уточняемым ядром. - В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с. 70-86.
14. О сущности актуализации см.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 96.
15. Колшанский Г.В. О природе контекста. - ВЯ, 1959, № 4. См. также: Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971, с. 131.
16. Эльянова Н.М. Об индикационной активности бинарных контекстных единиц. - В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с. 25-32.
17. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. 656 с.
18. Лейкина Б.М. Семантические переменные и контекст. - В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.

М.А. Бушмане, Б.Д. Лихтерова.
ЛГУ им. П. Стучки

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Современное учение аспектологии проводит чёткую границу между видом /Aspekt / и способом протекания глагольного действия /Aktionsart/. Немецкий язык не выработал системы единообразных грамматических средств, направленных на выражение особенностей протекания того или иного глагольного действия. Поэтому изучение акциональных значений немецкого глагола приобретает особую актуальность.

Существует различные точки зрения на способ действия в немецком языке [1]. Под способом действия понимается в статье показатель того, как, каким образом совершается глагольное действие или процесс. При этом следует разграничивать два типа акциональности: внутреннюю, заложенную в лексическом значении самого глагола, и внешнюю, сопутствующую внутренней. Внутренняя акциональность позволяет отнести глагол к разряду предельных или непредельных. Внешняя акциональность выступает индикатором особенностей действия или процесса в контексте. Контекст модифицирует акциональное значение немецкого глагола. Вслед за Ш. Балли мы отмечаем, что "вид ищут почти всегда в самом глаголе и почти никогда в его окружении" [2], а ведь именно глагольное окружение, соответствующий контекст и являются основными критериями определения акционального значения в немецком языке. Исходя из данной посылки, мы изучаем акциональное значение немецкого глагола, т.е. внешне-глагольную акциональность, и на лексическом уровне, и на син-

таксическом уровне и как следствие взаимодействия факторов контекста. Такое исследование способов действия немецкого глагола представляется наиболее продуктивным и доказательным.

Целью данной статьи является анализ языковых средств выражения итеративного значения. Поэтому определим понятие итеративности. Прежде чем определить, что такое итеративное значение, важно отграничить глагольную итеративность, итеративный способ действия от повтора понятий, лексем, форм, который воспринимается, главным образом, как стилистический приём при невыдвижении на передний план повтора самого действия. Например, *Die Tür ging hinter mir zu. Das hat man wohl öfter, daB eine Tür hinter einem zugemacht wird. Haustüren zum Beispiel werden abgeschlossen [3].* Более того, контекст может быть неблагоприятным для выражения итеративности и при наличии в нём итеративного глагола. Ср. *Die Mutter Europas kniet und kann nicht atmen. Sie hört den Schuß, sieht die Kugel fliegen auf den Sohn zu, sieht Milliarden Kugeln fliegen...* (L. Frank, S. 58) - В данном контексте глагол *fliegen* функционирует в составе структуры "accusativus cum infinitivo", где его характер не стирается, т.к. лексическое значение глагола предполагает многократность действия. Однако повторяется не действие "fliegen", а грамматическая структура *sie sieht die Kugel fliegen*. Повтор всей структуры внутри контекста следует рассматривать как стилистический приём, подчёркивающий восприятие того, кто наблюдает за происходящими событиями. Основу же итеративности составляет повтор действия или процесса во времени. Итак, мы определяем итеративность как повтор во времени глагольного действия или процесса, особенности которого проявляются в соответствии с условиями контекста.

В результате анализа средств выражения итеративности представляется возможным рассматривать итеративное значение как функциональное, пересекающее ряд языковых уровней. Отсюда и принцип построения анализа от значения к форме /З---Ф/, к языковым средствам на разных уровнях. Следуя

современной лингвистической традиции, мы применяем к этим языковым средствам, объединённым единой функциональной направленностью, - выражениям значения итеративности, полевой подход в свете теорий поля Е.И. Шендельс, Е.И. Гулыги, и А.В. Бондарко [4].

Функционально - семантическое поле итеративности составляют следующие языковые средства: I. Глагол (sich) wiederholen [5].

2. Словообразовательные средства.

3. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью /термин О.И. Москальской/.

4. Сочетание лексических уточнителей с глаголом.

5. Повторение глагольной лексемы.

6. Сложноподчиненное предложение с условным придаточным, вводимым союзом

7. Повторение грамматической структуры.

8. Взаимодействие ряда акционально направленных языковых средств в контексте.

Перечень конститuentов поля итеративности показывает, что они разнородны, одни из них эксплицитны, другие, как например, сочетание лексических уточнителей с глаголом, полужемплицитны.

Анализ фактического материала позволяет выявить, что итеративное значение неоднозначно и включает ряд оттенков. Эти оттенки носят различный характер, т.к. повтор в зависимости от условий контекста может быть обусловлен различными акционально-временными факторами. Такого рода особенности значения итеративности можно определить как ситуативно-смысловые, т.е. зависящие от ситуации, контекста. Мы разграничиваем следующие ситуативно-смысловые оттенки значения итеративности:

1. повтор действия через определённые, чётко фиксированные отрезки времени;

2. повтор действия через неопределённые, нефиксированные отрезки времени;

2а прерывистый повтор;

3. повтор с оттенком длительности;

3а длительно-интенсивный повтор.

Обзор компонентов поля итеративности мы начинаем с глагола (sich) wiederholen, лексическое значение которого выражает итеративность. В силу особенностей своего значения этот глагол обозначает регулярный повтор через определенные промежутки времени. Lest den Text und wiederholt neue Wörter.

Словообразовательные средства, главным образом, суффиксы, участвующие в оформлении значения итеративности, обуславливают другой оттенок повтора в действии глагола - действие повторяется нерегулярно, прерывается и возобновляется вновь. Отсутствие в немецком языке специальных акционально ориентированных словообразовательных средств приводит в ряде случаев к переkreциванию акциональных значений. Например, итеративности со значением фреквентативности: streicheln, fucheln, nesteln, etc. Die Männer nestelten an den abgelegten Kleidungsstücken. (E.Strittmatter, S.49); итеративности со значением интенсивности: glitzern, schnitzen, hupsen etc. Er erhebt sich, hüpf, taumelt, breitet die Arme aus, hopst wie ein...Kranich. (E.Strittmatter, S.56).

Устойчивое словосочетание с грамматической направленностью, в структуре которого функциональный /акционально направленный глагол/ сочетается с инфинитивом полнозначного глагола выражает итеративность именно благодаря функциональному глаголу /pflegen+zu+Inf., gewohnt sein+zu+Inf./.

В зависимости от условий контекста действие может протекать регулярно или через неопределенное время.

Nach Stemas Examen wurde geheiratet, nicht aus Gründen, aus denen sonst junge Leute zu heiraten pflegen. (E.Strittmatter, S.117).

Особый интерес при изучении средств, выражающих значение итеративности, представляют языковые средства синтаксического уровня. Здесь важно подчеркнуть мысль о взаимопроникновении семантики и синтаксиса [6], составляющих основу изучения итеративного значения в немецком языке.

Одним из центральных компонентов поля итеративности является сочетание временного лексического уточнителя с со-

ответствующим типом оказуемого, т.к. "неславянские языки отличает способность описать с помощью ряда наречий акциональные оттенки, которые славянский глагол несет самостоятельно" [7]. *Täglich ging die wunderschöne Sultanstochter auf und nieder um die Abendzeit am Springbrunn, wo die weißen Wasser plätschern* (H.Heine, S.405).

Die Bienkopps leben wie die Tauben, wenn man bedenkt, daß auch diese Friedensvögel ab und zu zanken, wild girren und mit den Flügeln schlagen (E.Strittmatter, S.7-8).

Изучение контекстов, сконструированных на основе сочетания лексических уточнителей со сказуемым, показало, что, исходя из характера лексического уточнителя, итеративное значение может приобретать определенный акционально-временной оттенок. Например, действие повторяется регулярно, через четко фиксированные отрезки времени.

Nach altväterlicher Sitte aß das Bauerpaar sonntags in der guten Stube (E.Stittmatter, S.361).

Ohne Uhr wäre sie nie in den Wald gegangen, weil sie alle Zehn Minuten auf die Uhr schauen mußte, um zu errechnen, wie lange sie unterwegs war... (I.Bachmann, S.24).

Регулярный повтор действия во времени может также подкрепляться лексическим наполнением контекста, в частности регулярностью понятия, выступающего в роли подлежащего.

Und die Sonne rollte jeden Morgen schneller herauf und stürzte immer früher hinunter vor den unersättlichen Augen, ins Meer (I.Bachmann, S.24).

Далее, действие может повторяться нерегулярно, через неопределенные, нефиксированные отрезки времени.

Zuweilen kam Don Miguel. Die ersten Male sprach er so gut wie nichts, später, halblaut... (L.Feuchtwanger, S.287).

Как модификацию повтора действия нечетко фиксированного во времени можно рассматривать действие, которое повторяется нерегулярно, а точнее оно состоит из цепочки расположенных рядом на временной оси действий, последние прерываются и возобновляются вновь. Такой повтор действия определяется как прерывистый.

Die Rechte indes hob jetzt den Fächer, entfaltetete ihn ganz..., schloß ihn wieder und entfaltetete ihn von neuem. (L. Feuchtwänger, S.14).

И еще одна акциональная ситуация, конструируемая лексическим уточнителем. Здесь на первый план выдвигается оттенок длительности. При этом итеративное значение действия может быть выражено сочетанием одного лексического уточнителя со сказуемым, а также целым рядом лексических уточнителей, образующих единый уточняющий комплекс.

Der Sprecher redete in höchster Erregung, er versprach sich, korrigierte sich, stolperte wieder über ein Wort, es galt noch drei Kilometer, er redete immer schneller, als hätte er die Pedale zu treten... (I. Bachmann, S.143).
Er ging jetzt immer auf kleine Plätze, ins Ghetto oder in die Cafés... und trank dort langsam Tag für Tag zu der gleichen Stunde, seinen Campari (I. Bachmann, S.27).

Длительность повтора действия или процесса находит и другое языковое выражение, в частности, путём многократного повтора одной или нескольких глагольных лексем внутри контекста. При этом наблюдается интенсификация самого глагольного действия. Такой повтор действия рассматривается в качестве варианта повтора с оттенком длительности и определяется как длительно-интенсивный.

Roberts Leben ging auf im Dasein des Sohnes. Er flog die Bestellungen auszuführen, verbeugte sich, dankte fürs Trinkgeld, verbeugte sich, dankte, sparte, scharfte zusammen, rechnete, strebte, wurde Zimmerkellner... (L. Frank, S.8).

Annret steht unterm Fenster des gelben Rosenzimmers. Sie wartet und wartet. Nichts rührt sich. Sie pocht, geht ums Haus, pocht hier und pocht dort. (E. Strittmatter, S.213)

Аналогичный оттенок в значении итеративности проявляется и при повторе грамматических структур с одинаковым лексическим наполнением. Следует при этом оговорить, что ите-

ративность не является лишь следствием грамматического параллелизма. Значение итеративности обуславливается повтором глагольного действия, заключенного в грамматических структурах. И именно повтор структур интенсивирует глагольное действие и выдвигает его на передний план.

In Rom sah ich, daB der Tiber nicht schön ist...

In Rom sah ich, daB die Peterskirche kleiner erscheint...

In Rom sah ich, daB dem Palazzo Cenci...viele Häuser gleichen..

In Rom sah ich im Ghetto...

Ich sah auf dem Campo de Fiori...

In einer römischen Bar sah und fühlte ich...

In Rom habe ich die großen Villen gesehen...

In Rom sah, wo Roms Straßen ausfallen...

In Rom sah ich, daB alles einen Namen hat...

(I. Bachmann, S.14).

Интенсификация глагольного действия или процесса при выражении значения итеративности, а, следовательно, и проявление длительно-интенсивного оттенка достигается и в случае переплетения ряда акционально направленных средств, специализированных на повторе действия. Так, например, в следующем контексте основу повтора составляют процессы, выраженные глаголами *jubeln* и *kümmern*. В свою очередь, эти глаголы функционируют в параллельно повторенных грамматических структурах. Кроме того, в контексте употребляется также сложноподчиненное предложение с придаточным условным, вводимым союзом *wenn*. *Wir waren stolz, wenn unsere schlechtberatenen Kinder Kampf- und Mordlieder sangen. Und als die mächtigen Autoritäten die Truppen marschieren ließen, jubelten wir und waren begeistert. Wir jubelten, als die ersten Siegesnachrichten einliefen. Wir jubelten und kümmerten uns nicht darum, daB beim Erstürmen einer Festung fünfzigtausend Menschen zerissen wurden. Wir kümmerten uns nicht darum, weil wir selbst nichts anderes...in sich tragen* (L. Frank, S.407).

Иной оттенок в значении итеративности проявляется при его выражении только таким средством синтаксического уровня, как сложноподчиненное предложение с условным придаточным, вводимым союзом *wenn*. Семантика союза *wenn* предполагает

ет многократное повторение глагольного действия в прошлом, что и обуславливает регулярность повтора.

Denn wenn er dieses Spielzeug nur anblickte, brannte ihn die Schuld (L. Frank, S. 11).

Разобранные оттенки значения итеративности могут переплетаться по-разному. Поэтому внутри итеративного значения довольно часто наблюдается своеобразная "игра оттенков", а "в конкретном высказывании семантические элементы /семи/, выражаемые грамматическими и неграмматическими средствами, оказываются способными объединяться в одном семантическом комплексе" [8], в нашем случае - в функционально-семантическом поле итеративности, которое можно схематически представить следующим образом.

Словообразовательные средства

/sich/ wiederholen

Доминанта
Функциональный /итеративный/
глагол в сочетании с глаголом
в форме инфинитива

Сочетание временных лексических уточнителей со сказуемым

Повтор глагольной лексемы

Выражение значения итеративности на синтаксическом уровне

Взаимодействие средств кон-текста

Сложноподчиненное предложение с условным придаточным

Повтор грамматических структур

Литература

Г. См. работы Балин Б.М. Немецкий аспектологический контекст с сопоставлением с английским. Калинин, 1969.

Лихтерова Б.Л. Семантико-лексические, синтаксические и контекстуальные языковые средства в их акциональной направ-

- ленности. В кн.: Семантические связи лексики. Рига, 1978, с. 102 - 113
- Renicke H. Theorie der Aspekte und Aktionsarten. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 72, Hf. 1-3, Halle (Saale), 1950.
2. Балли Ш. Общая стилистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 386.
3. Пример заимствован из статьи о повторе как стилистическом средстве, см. Wolpert R. Die Wiederholung - ein Gestaltungsmittel in den Kurzgeschichten von W. Borchert. In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 23 Jg. 1974, Hf. 6-7, S. 429-438.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
5. Здесь следует сделать оговорку относительно глаголов *atmen, trinken, essen, fliegen* и т. п., которые относят к итеративным. Действительно, природа действия этих глаголов предполагает многократность. *Bienkopp trinkt zufrieden: Laßt die Toten ruhen!* (E. Strittmatter, S. 25). Однако, как справедливо отмечает Е. Лейзи, глаголы типа *atmen, to breathe, schreiten* не относятся к собственно итеративным, так как непременным условием итеративности является серия повторяющихся во времени действий. /E. Leisi. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1961, S. 52-53). Названные глаголы состоят из ряда актов и могут быть рассмотрены лишь как частный случай итеративности.
6. E. Seidel. Zu den Funktionen des Verbalaspekts. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 6, 1936, S. 127.
7. Бондарко А. В. Указ. соч., с. 27.

Цитируемые источники

- Bachmann I. Undine geht. Erzählungen, 1976, Leipzig.
- Frank L. Gesammelte Werke. 7. Band, Berlin, 1957.
- Feuchtwanger L. Goya. Berlin und Weimar, 1975.
- Strittmatter E. Ole Bienkopp. Berlin und Weimar, 1975.

Р. Х. Вольперт
ЛГУ им. П. Стучки

К ПРОБЛЕМЕ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Хотя грамматическая метафорика мало изучена, все же её основные признаки охарактеризованы в ряде работ достаточно подробно. В первую очередь, это работы Е. И. Шендельс, А. В. Бондарко, Б. П. Найдова, Г. Вайнриха, Э. Оксаар, И. Фонаги и др. [1]. Суммируя выводы, сделанные названными авторами, можно сказать следующее:

1/ Грамматическая метафора определяется как "перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности" [2];

2/ Метафорический перенос осуществляется при помощи транспозиции словоизменятельных или классифицирующих единиц в чужой контекст - в сферу употребления других единиц;

3/ Грамматическая метафора отличается от лексической тем, что транспозиция происходит внутри той системы оппозиции, членом которой является единица;

4/ При транспозиции единицы в чужой контекст нейтрализуется дифференциальный признак членов оппозиции, в результате чего возникает контекстуальная синонимия;

5/ Транспонированная единица приобретает в новой сфере функционирования грамматическое значение замененной ею единицы, но в то же время полностью не теряет своего исконного значения: "Die Tempus-Metaphern wandern nicht einfach heimatvergesen in ein fremdes Land, sondern sie bringen ihre Welt mit" [3].

6/ Для грамматической метафоры характерна ограниченность и нерегулярность употребления - основное условие нарушения общезыковой нормы;

7/ Основу метафорического эффекта составляет контраст между парадигматической семой транспонированной единицы и остальными элементами контекста. Элементом контекста при этом является также лексическое наполнение транспонированной единицы. Отсюда контраст единицы и контекста иногда проявляется как несовместимость грамматического значения формы и лексического значения слова, выступающего в данной форме (например: Ausweglosigkeiten, Herzverlassenheiten [4]).

На основе данных положений попытаемся описать механизм возникновения коннотативных значений грамматической метафоры.

Под коннотациями мы понимаем имплицитные созначения, отражающие внутренний мир говорящего (автора, персонажа, рассказчика) или общую атмосферу события. Объективной базой, на которой вырастают коннотации грамматической единицы, является семный состав ее денотативного значения. В каждую сему потенциально заложены определенные созначения. Сема адресатность, например, потенциально связана с коннотациями сближения, контакта, заинтересованности, причастности; сема совпадение с моментом речи - с коннотациями актуальности, зримости и т.д. При этом между семой и её коннотациями существует причинно-следственное отношение: адресатность является причиной сближения, а сближение возникает как следствие адресатности.

Между денотативным и коннотативным значениями нет жесткой границы; первые выражены эксплицитно, вторые имплицитно. Возможен переход значений с денотативного уровня на коннотативный уровень - имплицитирование значений. Ярким примером имплицитирования служит метафора. Двухплановость денотативного значения грамматической метафоры не означает одновременного сосуществования двух равноправных значений. Из двух значений синтагматическое (контекстуальное) совпадает со значением контекста и поэтому является главным, ведущим и реальным значением, а парадигматическое, контрастирующее с контекстом значение присутствует только подспудно в виде общей атмосферы, в которой форма обычно употребляется, и поэтому является нереальным, иллюзорным. Другими словами: соответствующая сема парадигмати-

ческого (денотативного) значения грамматической метафоры со всеми потенциально в нее заложенными коннотациями переходит при метафоризации на коннотативный уровень [5].

Таким образом, для интерпретации грамматической метафоры необходимо установить: 1/ парадигматическое денотативное значение метафоры (сему, по которой единица противопоставлена члену оппозиции), 2/ потенциальное коннотативное значение единицы. Например: коннотациями исторического презенса является иллюзия совпадения действия с моментом речи (сема парадигматического значения) и иллюзия актуальности, зримости действия (потенциальные коннотации, опирающиеся на названную сему); коннотациями неопределенного местоимения *man*, транспонированного в контекст *ich*, *du* и т.д. - иллюзия неопределенной агентивности (сема парадигматического значения) и иллюзия обобщенности, причастности к событию многих лиц (потенциальные коннотации, опирающиеся на названную сему). Коннотативные значения метафорического среднего рода слагаются из иллюзии родовой нейтральности (сема парадигматического значения) и иллюзии бесполости, ущербности, потери человеческого облика (потенциальные коннотации, опирающиеся на данную сему) [6]. Коннотативные значения множественного числа - из иллюзии множественности (сема парадигматического значения) и иллюзии обобщенности, генерализации описанных событий, их ситуативной непривязанности (потенциальные коннотации, опирающиеся на названную сему) [7].

Таким образом, процедура прогноза коннотаций грамматической метафоры учитывает два фактора: парадигматическое значение и потенциально связанное с ним содержание. Сумма этих двух значений составляет предполагаемую коннотативную информацию грамматической метафоры.

Хотя теоретически можно прогнозировать метафорический эффект любой единицы, практически реализация грамматической метафоры ограничена рядом правил:

I/ Создание метафорического значения возможно только при противопоставлении сем основных значений членов оппозиции: совпадение с моментом речи (инклюзивный презенс) - несовпадение

с моментом речи (претерит); реальность (индикатив) - нереальность (конъюнктив) и т.д. Противопоставление дополнительных (второстепенных) значений не создает грамматической метафоры, так как дополнительные значения требуют для своей реализации соответствующего лексико-грамматического контекста. Вне этого контекста дополнительные значения заменяются основными.

2/ Создание метафорического значения возможно только при противопоставлении ведущих сем членов оппозиции. В противном случае члены оппозиции являются парадигматическими синонимами:

Вид семы	Пре́терит	Перфект
ведущая	несовпадение с моментом речи	несовпадение с моментом речи
второстепенная	несвязанность с моментом речи	связанность с моментом речи

3/ Оппозицию составляют только единицы, противопоставленные по семам одного и того же уровня. Грамматической метафоры нет, когда ведущая сема одной формы противопоставлена второстепенной семе другой:

Вид семы	Плюсквамперфект	Презенс
ведущая	перфективность	совпадение с моментом речи
второстепенная	несовпадение с моментом речи	

4/ В случаях, если одной и той же семой обладают несколько форм, транспозиция производится в текст той формы, которая является доминантой данного синонимического ряда. Из двух форм прошедшего времени, обладающих ведущей семой несовпадение с моментом речи, доминантой является претерит. Из этого следует, что невозможна транспозиция между членами перфект-футурум I, перфект-презенс, но возможна транспозиция между члена-

ми претерит-футурум I, претерит-презенс.

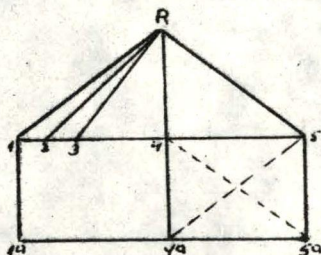
5/ Создание синтаксических метафор возможно только при одинаковом распределении коммуникативной нагрузки между членами структур. Этому требованию не отвечают, например, активная и трехчленная пассивная структуры (оппозиция сем центробежное действие - центростремительное действие), для которых характерно разное распределение коммуникативной нагрузки [8].

6/ Ограничены возможности транспозиции из одной части речи в другую, так как каждая часть речи связана с определенными синтаксическими функциями. Одним из таких редких случаев является транспозиция междометия в контекст глагола (обе части речи могут выступить в качестве сказуемого). Ср. например: Und er schlüpfte in den Sack - Und er husch in den Sack. Транспозиция других частей речи практически невозможна. По той же причине транспозиции не подлежат падежные формы, для которых характерна связанность с определенной синтаксической функцией (генетив - определение, датив - дополнение, номинатив - подлежащее и т.д.). При одинаковой синтаксической функции падежей метафорический эффект также не возникает, так как совпадают их ведущие семы (правило 2): Ich erinnere mich deiner/an dich, Einer der Schüler/von den Schülern.

7/ Создание метафорического значения возможно только при противопоставлении разных форм. Этому требованию не отвечают такие классифицирующие категории как стачальный глагол - бытийный глагол ..., существительное нарицательное - существительное вещественное - существительное собирательное ..., оптативный конъюнктив - императивный конъюнктив ..., possessивный генетив - партитивный генетив - субъективный генетив - объективный генетив ... и т.д. Эти единицы отличаются друг от друга синтактико-смысловыми семами, которые не обладают своими специальными формальными показателями: они выражены окольным путем - через лексическое наполнение (семантическая классификация глагола и существительного) или через сочетание с другими элементами контекста (виды конъюктива, многозначность падежей).

х х
х

Проверим возможности создания метафор на примере много-
членной оппозиции временных форм.

1 - претерит

1-а - плюсквамперфект

2 - перфект

3 - плюсквамперфект

4 - презенс

4-а - перфект

5 - футурум I

5-а - футурум II

Линия 1-2-3-4-5 представляет абсолютные времена.

Линия 1-а - 4-а - 5-а представляет относительные времена.

Пунктирные линии 5 - 4-а и 5-а - 4 представляют возможности замены: футурум II - перфект или футурум I - презенс.

Линии R - 1, R - 2, R - 3, R - 4, R - 5 отражают непосредственную связь абсолютных времен с моментом речи (R).

Линии R - 1 - 1-а, R - 4 - 4-а, R - 5 - 5-а отражают косвенную связь относительных времен с моментом речи (через абсолютные времена).

В системе абсолютных времен можно выделить 20 оппозиций (каждая из пяти временных форм входит в оппозицию с остальными четырьмя временными формами). Из 20 оппозиций, представляющих 20 теоретически возможных транспозиций, метафорический эффект создается в трех случаях: 1/ при транспозиции презенса в речевые условия претерита (исторический презенс), 2/ при транс-

позиции претерита в речевые условия презенса, 3/ при транспозиции презенса в речевые условия футурум I. Создание метафорического эффекта во всех трех случаях ограничено. Рассмотрим эти случаи подробнее.

Транспозиция презенса в речевые условия претерита.

Исторический презенс, возникающий при транспозиции презенса в речевые условия претерита, является одной из самых ярких метафор в грамматике. В то же время коннотации исторического презенса могут быть частично погашены, если его употребление типично для данного произведения, для индивидуального стиля данного писателя. Увлечение историческим презенсом, характерное для таких писателей как Э.Ш.риттматт в [9], снижает стилистический эффект транспозиции презенса в контекст претерита. Интересен в этом отношении роман Юрека Бекера Jakob der Lügner, написанный в форме сказа, в котором чередуются презентные формы четырех видов: презенс для обозначения событий в настоящем, презенс для обозначения общих рассуждений, исторический презенс для обозначения событий в прошлом, презенс в прямой речи. Рассказ о Якобе (главном персонаже), данный в историческом презенсе, многократно прерывается рассуждениями рассказчика, обращениями к читателю, прямой речью персонажей и т.д. Текст скуп на показатели претеритального контекста, лексических переключателей нет, и основным средством реализации метафорического презенса является знание исторических событий (фоновое знание), составляющих основу романа. Таким образом, исторический презенс не контрастирует с окружением, а в иных частях даже полностью сливается с контекстом и поэтому не воспринимается как метафора.

Транспозиция претерита в речевые условия презенса.

Употребление претерита вместо презенса в художественном произведении обычно не нарушает норму. Время в художественном произведении исчисляется не с точки зрения автора или читателя, а с точки зрения персонажа. Отсюда претерит приобретает новое временное значение, присущее в парадигматическом плане инклюзивному презенсу, о чем свидетельствуют обычные для художест-

венной речи сочетания как: жил сегодня, находился в настоящее время и т.д. [10]. Например:

Die Justizrätin hatte den Wuchs und die Anmut von schwedischen Frauen; man glaubte ihr noch heute, daß sie schöner als ihre Tochter gewesen war [11].

Кроме того претерит в значении настоящего является нормой в несобственно-прямой речи. То же относится к употреблению претерита вместо футурум I:

Auch nach Latour wird er morgen gehen, Gilberte seinen Entschluß anzukündigen. Er machte den Weg nach Latour nicht zu Pferde, sondern im Wagen, in Uniform. Es war nicht Fernand, der zu Gilberte kam: der Graf Bregy stattete Madame Courcelles eine formelle Abschiedsvisite ab. Das Ganze wird nicht ohne Feinlichkeit ablaufen, vielleicht sogar wird er genötigt sein Gilbertens Kind zu besichtigen und einige bewundernde Worte zu sagen [12].

Таким образом, создание метафорического эффекта при транспозиции претерита в речевые условия презенса возможно только в авторской речи или в речи персонажей, при условии, что претерит заменяет вневременной (генерализирующий или качественный), а не инклюзивный презенс:

Woher wußte Rosa, daß Stanislaus ein Dichter war? [13].

Правда, приведенный случай является пограничным, так как причиной употребления претерита в придаточном предложении можно здесь считать также аттракцию - выравнивание по аналогии с претеритом главного предложения.

Транспозиция презенса в речевые условия футурум I.

Транспозиция презенса в речевые условия футурум I только в редких случаях воспринимается как нарушение общеязыковой нормы, например, при описании воображаемых или недостоверных действий в будущем (при наличии глаголов с семантикой воображения или незнания - "Verben mit Traum-Effekt" [14]):

Noske hat uns heimggerufen. Der tanzt, wie die Engländer pfeifen. Ich weiß nicht, wie alles weitergeht ... [15].

В остальных случаях употребления презенса вместо футурум I

не нарушает норму языка и, следовательно, не создает метафорического эффекта: *Bald komme ich* [16].

Метафорический эффект полностью исключается в следующих случаях:

а/ при транспозиции претерита в речевые условия перфекта и наоборот;

б/ при транспозиции перфекта в речевые условия плюсквамперфекта, плюсквамперфекта в речевые условия презенса, претерита в речевые условия плюсквамперфекта, футурум I в речевые условия плюсквамперфекта и наоборот;

в/ при транспозиции перфекта в речевые условия презенса, перфекта в речевые условия футурум I и наоборот;

г/ при транспозиции футурум I в речевые условия презенса;

д/ при транспозиции футурум I в речевые условия претерита.

Транспозиция группы (а) не отвечает требованиям противопоставления ведущих сем основного значения (см. правило 2).

Транспозиция группы (б) не отвечает требованиям противопоставления сем одного и того же уровня (см. правило 3). Предложение типа *Kaum berührte sein --opf das Kissen, so war er schon eingeschlafen*, в котором плюсквамперфект обычно считают метафорой, с нашей точки зрения, представляет собой норму, так как здесь плюсквамперфект используется как абсолютная временная форма, обладающая ведущей семой перфективности. Нормой следует считать также употребление плюсквамперфекта в речевых условиях футурума: *Noch eine Bewegung, und es war um ihn geschehen*. И здесь использование абсолютного плюсквамперфекта возможно благодаря тому, что ведущей семой этой временной формы является перфективность.

Транспозиции группы (в) не отвечают требованию выбора доминанты синонимического ряда форм с одинаковой семой (см. правило 4). В синонимическом ряду претерит-перфект (общая семма несовпадение с моментом речи) доминантой является претерит, и именно с претеритом другие временные формы вступают в оппозицию.

для создания переносного временного эффекта.

Группа (г) представляет собой модальный футурум: Er wird wohl krank sein (= er ist wohl krank). Скорее всего мы имеем здесь дело с омонимией футурума и синтаксического фразеологизма werden + инфинитив, так как кроме презентного значения модальный футурум приобретает дополнительное значение недостоверности. По своим основным признакам данная конструкция ничем не отличается от таких синтаксических фразеологизмов уровня словосочетания как muß/mag/kann + инфинитив, soll/will + инфинитив.

Что касается группы (е), то метафорический эффект исключается здесь потому, что футурум I, перенесенный в речевые условия претерита, сохраняет свое парадигматическое значение предвосхищения действия, что противоречит основному требованию грамматической метафорики. В высказывании Nun hatte Georg etwas, worüber er nachdenken wird действие придаточного предложения следует за действием главного предложения. С точки зрения читателя оба действия относятся к прошлому, но с точки зрения персонажа первое действие совпадает с моментом речи (ср. Nun hatte...), а второе предвосхищает будущее, что становится очевидным, если мы дополним предложение наречием morgen (...worüber er morgen nachdenken wird).

В системе относительных времен можно выделить шесть оппозиций (каждая из трех временных форм входит в оппозицию с остальными двумя временными формами). Ни одна из шести теоретически возможных транспозиций не создает метафорического эффекта. Транспозиция здесь не отвечает требованию противопоставления ведущих сем (см. правило 2):

Вид семы	Перфект	Плюсквамперфект	Футурум II
ведущая	предшествование	предшествование	предшествование
второстепенная	настоящее	прошлое	будущее

Общность ведущей семы составляет основу употребления так называемого футурального перфекта, который является парадигматическим синонимом футурума П. Замена одной формы другой соответствует общезыковой норме.

х х

х

В художественном произведении грамматическая метафора часто является единицей с увеличенным объемом денотативной основы. Увеличение объема денотативной основы транспонированной единицы (так называемое приращение смысла) происходит чаще всего за счет полифонии художественного произведения. Ср. например, у Л.Тостого:

Это удивительно, как я умна, и как ... она мила, продолжала она, говоря о себе в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то умный, самый умный и самый хороший мужчина [17].

Транспозиция она → я вызвана здесь введением в текст другого голоса, другой точки зрения: я умна (голос Наташи Ростовской) — она мила (голос воображаемого мужчины). Разные оценки события, предмета, лица составляют приращение смысла художественного текста. На этой основе возникают более богатые коннотации метафоры: к прогнозируемым коннотативным значениям метафорического третьего лица (иллюзия неучастника речи и иллюзия отстраненности) добавляются созначения, связанные с сопоставлением и противопоставлением разных голосов, разных углов зрения. В данном случае воображаемый мужчина (чужой голос) является для Наташи человеком, мнением которого она дорожит и которому она хочет понравится. Переход от "я" к "она" является таким образом переходом от собственного субъективного мнения к объективному общественному мнению, которое к тому же оказывается положительным.

Однако следует сразу оговорить, что не всякая многоголосость метафорична. Обычно введение нескольких голосов не является отклонением от общезыковой нормы (одно из главных условий метафоричности). Например, введение персонажа или предмета в повествование с определенным артиклем характеризует лишь соответ-

вующий "голос", соответствующую позицию и является с точки зрения этой позиции правомерным. Для того, чтобы "чужой голос" был метафорическим, он должен быть иллюзорным, т.е. он должен только в воображении говорящего принадлежать другому лицу, как это имеет место в примере из "Войны и мира" Толстого, где "она" в самом деле есть "я". Неметафорическим является противопоставление имени собственного с неопределенным артиклем имени собственному без артикля в романе Г.Манна:

...Das sind alles Gesichter, die uns nichts vergessen haben und wir ihnen nichts. Gehört das andere Lächeln nicht einem gewissen de Maurevert?

Guise denkt: Lauert. Der Galgenvogel de Maurevert lauert ... [18].

В первом абзаце представлен голос герцога Гиза, знакомого с Моревером; во втором абзаце представлен голос Генриха, незнакомого с данным лицом. Эти голоса реальны, они принадлежат существующим в романе персонажам, и поэтому оформление имени с неопределенным артиклем и без артикля не нарушает нормы языка. Иначе в последующей речи Генриха, который при дальнейших встречах с Моревером опять не узнает его:

... wie heißt er, dem die Augen so eng beieinanderliegen, und ich fragte mich vorhin, was er hier tut...

Guise zieht ihn besonders beiseite - ich weiß wieder: ein Herr de Mau'evert.

...Wo steckt nur der Mann, den du unter deinem Bett überraschtest, Guise? Wa es nicht ei Herr de Maurevert?! [19].

Здесь мы уже имеем дело с "воображаемым" неузнаванием, с нежеланием узнавать, т.е. имя собственное с неопределенным артиклем транспонировано в речевые условия имени собственного без артикля и становится его синтагматическим синонимом, а парадигматическая сема формы с присущими ей потенциальными коннотациями сопутствует новому значению в виде иллюзорной неопределенности, неосведомленности, неинформированности.

Литература

1. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора. - Филол.науки, 1972, №3, с.48-56; Шендельс Е.И. Транспозиция морфологических форм (на материале современного немецкого языка). - В кн.: Иностран-ные языки в высшей школе. Тематический сб. I МПНИИЯ, 1964, вып. 3, с.104-110; Шендельс Е.И. Синтаксис метафорн. - В кн.: Во-просы романо-германской филологии. Сб.науч. трудов МПНИИЯ им. Мориса Тореза, 1978, вып.125, с.128-135; Бондарко А.В. К вопросу о транспозиции. (Употребление прошедшего времени глагола в со-временном русском языке для обозначения абстрактного настояще-го). - В кн.: Вопросы языкознания. Учен.зап.ЛПНИ им.Герцена, 1963, т.248, с.51-60; Naidow B. Stilistische Transposition der Personalpronomen als ein Mittel der Wertung schöngestiger Texte. - "Вісник Київського університету, серія іноземної філології", 1975, N9, с.101, 102; Weinrich H. Semantik der Metapher. - In: Fo- lia linguistica: Acta societatis. Linguisticae Europaeae. Tomus I, 1967, Mouton the Hague, S.3-17; Weinrich H. Semantik der kühnen Metapher. - "Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissen- schaft", 1963, H.3, S.325-344; Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964, 358S.; Oksaar E. Zur Frage der grammatischen Metapher. - In: Festschrift für Hugo Moser. Düs- seldorf, 1969, S.131-145; Fonagy I. Der Ausdruck als Inhalt. An- sätze zu einer funktionalen Poetik. - In: Mathematik und Dicht- ung. München, 1965, S.243-275.
2. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора. - Филол.науки, 1972, №3, с.51.
3. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1969, S.109.
4. Wolfgang Borcherts Werke. Moskau, 1970, S.121, 122.
5. Ср. у К.Бохмана по поводу метафорн: "... der ursprünglich denotative Sinn wird zur Konnotation". Bochmann K. Zum theo- retischen Status und operativen Wert der Konnotation. - Ling- uistische Arbeitsberichte, 1974, H.10, S.28.
6. Ср. интерпретацию метафорического употребления среднего рода

у Шендельс Е.И. Грамматическая метафора - Филол.науки, 1972, №3, с.55.

7. Некоторые возражения вызывает интерпретация строки *Ein Liebender erwacht in schwarzen Zimmern* (Trakl, Traum des Bösen), предложенная И.Фонаги. Автор пишет: "Die Mehrzahl wirft ein trübes geheimnisvolles Licht auf das Bild. Die Konturen verwischen sich, wie auf der absichtlich falsch fokussierten Photographie, oder wenn das Auge auf das Unendliche eingestellt ist. Die Mehrzahl betont zugleich die Unbestimmtheit: "der Liebende erwacht und sein Blick schweift über die schwarzen Zimmer". Wir sehen anstößende Räume mit weitgeöffneten Türen. Der Liebhaber ist bereits erwacht, dennoch hat das Bild etwas Traumhaftes. Vielleicht dadurch, daß man im Traum "in vielen schwarzen Zimmern" erwachen könnte" (Fonagy I. Der Ausdruck als Inhalt. Ansätze zu einer funktionalen Poetik. - In: Mathematik und Dichtung. München, 1965, S. 259 - 260). С нашей точки зрения в данном примере грамматическая метафора (множественное число в контексте единственного числа) накладывается на лексическую метафору *schwarze Zimmer*. Все названные И.Фонаги созначения вызваны в первую очередь лексической метафорой. "Черные" употребляется здесь в значении "таинственные", "нереальные", "неопределенные". "Черные комнаты" - нереальная атмосфера, окружающая влюбленного. Постановка сочетания в множественное число лишь усугубляет впечатление нереальности происходящего, так как метафорическое употребление множественного числа вызывает иллюзию множественности и соответственно также иллюзию обобщенности и непривязанности события к определенной ситуации.

8. Исключения составляют полуграмматичные структуры типа *Ich wurde gegangen, getanzt, gelebt* (см. пример: *Bisher war er gelebt worden, fortan wird er leben*. L. Feuchtwanger. *Narronweisheit*. Berlin, 1956, S.204). Основой этой транспозиции является оппозиция классифицирующей категории "подлежит употреблению в пассиве - не подлежит употреблению в пассиве", "переходность - непереходность".

9. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwarts-
sprache. Leipzig, 1975, S.142.
10. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957, S.39,
40.
11. Anna Seghers. Die Toten bleiben jung. Moskau, 1951, S.94.
12. Lion Feuchtwanger. Narrenweisheit. Berlin, 1956, S.265,266.
13. Erwin Strittmatter. Der Wundertäter. Zweiter Band. Berlin
und Weimar, 1971, S.47.
14. Gutknecht Chr. Präsuppositionen als Kriterium für Grammati-
kalität von Sätzen. - Linguistische Berichte, 1971, H.15, S.36.
15. Anna Seghers. Die Toten bleiben jung. Berlin, 1956, S.49.
16. Другого мнения Ю.Л.Левитов (Средства выражения будущего вре-
мени в современном немецком языке. Автореф. на соиск.учен.степ.
канд.филол.наук. Калинин, 1969). Автор считает, что футуральный
презенс вызывает коннотацию псевдоактуальности. Интенсивность
этой коннотации связывается с наличием или отсутствием лекси-
ческих индикаторов будущего: при наличии индикаторов эмоциональ-
но-экспрессивное значение футурального презенса минимально, при
отсутствии индикаторов удельный вес коннотации вырастает. Са-
мым интенсивным коннотативным значением обладает, по мнению ав-
тора, экранизирующий презенс: "Стилистический эффект экранизи-
рующего презенса равнозначен эффекту исторического презенса. Обе
формы отличаются друг от друга лишь соотносительностью с различными
временными перспективами" (с.12).
17. Толстой Л. Война и мир. М.;Л., 1966, с.565.
18. Heinrich Mann. Die Jugend des Königs Henri Quatre. Moskau,
1956, S.186 und 280.
19. Heinrich Mann. Die Jugend des Königs Henri Quatre. Moskau,
1956, S.246 und 275.

КОНФРОНТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Изучение иностранного языка формальным путем, т.е. вне языковой среды, имеет свои специфические трудности. В первую очередь, это касается освоения лексики иностранного языка. Последнее происходит:

- путем освоения многозначности лексических единиц изучаемого языка с введением пояснительных синонимов на родном языке и сравнения с ними как первоначальной фазы изучения иностранного языка;

- или освоением лексики с помощью анализа более широкого текста, что сопряжено с возрастанием степени трудности сопоставления / конfrontации/.

Если в первом случае можно опираться в основном на родной язык, то во втором случае словосочетание или более широкий анализируемый текст на иностранном языке требует постоянного приведения в качестве пояснения сочетания адекватных единиц и соответствующих ситуаций в родном языке. На данном этапе изучения иностранного языка оказывается недостаточным только освоить лексику одного и другого языка. Необходимо знать и учитывать соотношение вещей в действительности, так называемую - Sachsteuerung, и правила сочетаемости языковых единиц обоих языков на морфологическом, лексическом и семантическом уровнях.

По сути дела именно со 2-й ступени лексического анализа и начинается настоящая конfrontация языков.

Конfrontативный анализ на семантико-синтаксическом уровне является самым трудоемким, т.к. требует оптимальных решений в плане анализа лексико-семантической структуры как минимум 2-х языков. При этом необходимо наиболее четко выявить общее и различное в конfrontируемых языках.

Так, например, сопоставляя группу прилагательных - цветообозначений, необходимо найти не только прямые соответствия типа " grün " - " зеленый", но и найти синонимы или эквиваленты к таким словам, для которых в одном из языков-партнеров нет обозначений или же существующие обо-

значения взаимно неадекватны. Например: к цветообозначению "zeisiggrün" словарь Павловского [1] дает русский эквивалент - "чижового цвета", в скобках - "светло-зеленый". Но обозначению "светло-зеленый" соответствуют и слова "pflanzengrün, glasgrün". И все-таки в случае необходимости конфронтации единственно приемлемым вариантом окажется противопоставление "zeisiggrün : светло-зеленый", так как чиж / zeisig / в качестве базы сравнения не употребителен в современном русском языке.

Чтобы правильно донести смысл всего произведения в целом, необходимо знать потенции семантических связей внутри лексики о б о л х языков. Иными словами: конфронтация актуализируется тогда, когда идет речь о реализации валентного потенциала словарных единиц конфронтлируемых языков при условии соблюдения правил и требований самых различных видов сочетаемости.

Не следует забывать, что функционирование лексики зависит также от таких экстралингвистических факторов как -
- влияние окружающей действительности на организацию чувственного опыта в языке;

- региональную зависимость в сочетании смыслов лексем, которая выражается в специальном отборе лексики, не всегда совпадающей в языках-партнерах;

- психический настрой индивидуума;

- профессиональную или возрастную заинтересованность, позволяющую у в и д е т ь в предложенном контексте те ассоциации, которые находятся в прямой зависимости от рода занятий или возраста человека.

Таким образом, приходим к выводу, что для успешного конфронтативного анализа на семантико-синтаксическом уровне необходимо в частности знать лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на реализацию валентного потенциала лингвистических единиц.

В настоящей статье рассматриваются некоторые из экстралингвистических факторов.

а/ Региональная обусловленность. Это - сцепление словарных единиц, в котором селектирование последних обусловлено региональным соотношением лексики. В качестве примера

продолжается анализ слов-цветообозначений.

Более 150 лет тому назад / в 1810 г./ Гёте высказал в своем труде " Farbenlehre " следующие мысли: англичане и немцы предпочитают светло-желтые тона / цвет соломы и кожи /, к которым они носят еще синие тона, французы - оранжéвные / das ins Rot gesteigerte Gelb /, итальянцы и испанцы предпочитают красные тона. Гёте на примере показывает, как отношение к тому или иному цвету может быть зафиксировано в лингвистических единицах. Так, например, Гёте упоминает, что "... кармазин, это цвет, который французы особенно ненавидят, так как для того, чтобы выразить свое отношение к чему-то чрезвычайно безвкусному или злому, они употребляют выражения - " sot en cramoisi, mech- chant en cramoisi. " [2].

Аналогично в немецком языке цветообозначение " Zinnober " - киноварь обозначает в обиходном языке глупость, идиотизм, глупого и злого человека. В качестве иллюстрации следует упомянуть сказку Гофмана " Маленький Цахес по прозвищу Циннобер " [3].

В. Даль дает следующие примеры русских фразеологизмов: " С рыжим дружок не води, с черным в лес не ходи. Рыжий да красный -- человек опасный. Рыжих и во святых нет "

Только в английском языке могло появиться такое сравнение как - " as yellow as Guinea " -- желтый как гиней, или " as red as rotherham - College " -- одно из первых строений из красного кирпича.

Региональная соотнесенность лексики играет несомненно большую роль в отборе и сцеплении словарных единиц в народном творчестве. В качестве примера целесообразно кон- фронтировать русские и немецкие народные песни лирического содержания. Оказывается, что есть как общие с немецким языком сочетательные возможности слов цветописи, так и отличающиеся друг от друга соединения.

Так например " зеленый " и " белый " сочетаются в основном одинаково как в русском так и в немецком языках, а именно с лексико-семантическими группами, обозначающими часть тела (part/anim) или природу (nat) . Срв.:

белый	<	лицо, руки		weiß	<	Knie, Hände
		свет, снег				Nebel, Bach

зеленый - луг, сад,
виноград

grün - Gras, Wald, Holz,
Tal

Разница наблюдается в следующих словосочетаниях :
сочетание " белая береза" в русских песнях по смыслу со-
ответствует словосочетанию "grüner Tannenbaum" -зеле-
ная ель в немецких песнях.

Цветобозначение " rot " - красный в немецких песнях
фигурирует только в своем прямом номинативном значении -
" rote Lippen, roter Mund."

В русских же песнях цветобозначение " красный" име-
ет двуплановый характер: " краанный - красивый" и " красный-
обозначение цвета".

б/ Фактор социальной обусловленности, который в не-
которых случаях следует характеризовать как фактор исто-
рической обусловленности отбора лексики. В данном случае
сочетаемость актуализируется под влиянием факторов возраста,
профессии, образования, интересов.

Так, например, для того, чтобы понять соединения в
композицы лексем в языке экспрессионистов, следует помнить
их отношение к языку вообще.

Экспрессионизм предполагает, что слово должно раскры-
вать только внутренние переживания автора. Поскольку
такие образования или сочетания являются окказиональными
единицами, то, естественно, конфронтация таких единиц
с единицами других языков, если она вообще возможна, носит
несколько иной характер. В данном случае следует говорить
о конфронтации п о т е н ц и й в словообразовании языков-
партнеров, констатируя сходство и различие. В результате
можно подсказать варианты сочетаемости. Так, например, нек-
торые композицы языка экспрессионистов имеют уже соответ-
ствия в русском языке:

preiselbeerrot (Rubiner)	- бруснично-красный
todweiß (Sorge)	- смертельно-белый
sternolau (Behrens)	- срв. опорное словосочетание
у Паустовского - синяя звезда.
blau-süß (Mürr)	"милло-голубые цветы" у М. Горь-
кого.

в/ Фактор ассоциативной обусловленности отбора словарных единиц и сцепления последних в лексическое целое под влиянием психического состояния человека.

Так например Г. Грасс в своем рассказе " Hundejahre " образует следующие прилагательные: " tomatenschwarz, zitronenschwarz, mehlschwarz, milchschwarz, schneeschwarz. "

Образование таких алогичных прилагательных объясняется душевным состоянием героя, присутствующего на судебном процессе, когда будущее рисуется в мрачных, черных тонах.

Действие данного фактора актуализируется в самых оригинальных, иногда и невероятных, сочетаниях словарных единиц в зависимости от характера видения мира автором. Сюда относятся все случаи синестезии и символики, которая в абсолютном большинстве лингвистических единиц отражает индивидуальное видение мира.

При использовании приемов синестезии автор не может выходить за рамки семантической структуры языка. В противном случае он просто не будет понят. Следует согласиться с Ст. Ульманом в том, что синестезия является настолько элементарным и глубоко укоренившимся языковым фактом, что она встречается ежедневно и повсюду.

Поэтому оказываемся понятным такое предложение как - "..... und blaue Lieder duften die Veilchen " (Arno Holz)

или " Der Hagebutte pralles Gluten/ zerrinnt am stillen Wiesenrand,/ und trauernd Berberitzen bluten/ den letzten Sommer in das Land (H.Hirselm Mamelter).

С позиций лексико-семантического конфонронтативного анализа обращает на себя внимание тот факт, что случаи синестезии иногда дословно, иногда с известной приближенностью понятий повторяются в обоих сравниваемых языках.

Например:

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК

der blaue Wind (J. Poethen)

сизый ветер /Пауст./

die blaue Frühe (Fr. Fühmann)

синее утро /Пауст./

die blauen Tage brechen

синий день /Пауст./

an (Th. Storm)

синий, сизый, зеленый воздух

die ergraute Luft (W. Lehmann)

/Пауст./

die Stille war dunkelblau

синяя бесконечность /Горький/

(E. Strittmatter)

die weiße Wehmut
(St.Zweig)

тоска зеленая /Горький /

Аналогичное явление наблюдается и в примерах символизма. Так, например, для выражения отрицательных эмоций как в русском так и в немецком языке в качестве символа выступает цветообозначение " желтый ".

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК

die gelbe Farbe der Feigheit (Н.Kant)

blaugelber Wurm der Mißgunst (Grimm)

gelbes Mißtrauen, neidgelb (E.Strittmatter)

желтенькая жизнь /Горький/
/ мещанство /

желтый дьявол /Горький /
/ золото /

желтокровие / А.Блок обозначает так идеализм/

Иногда отрицательному значению желтого цвета в немецком языке может соответствовать значение зеленого цвета в русском языке. Ср. " gelbes Mißtrauen " (E.Strittmatter) - зеленый огонь презрения / Горький /.

Слова-цветообозначения приобретают символическое значение в тех случаях, когда с их помощью автор старается дать обобщенную характеристику социальных явлений. Например, в романе И.Бехера " Прощание " превалирует сочетание с цветообозначением - " темный " - " dunkel " , у Горького - триада красок - " черный ", " красный ", " серый " с семантикой соответственно - " реакция ", " прогресс " и " мещанство ".

Конфронтативный анализ на синтактико-семантическом уровне можно считать состоявшимся, если в процессе сопоставления языков были определены лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на их развитие, и наглядно показана лексическая и семантическая специфика сопоставляемых языков.

Литература

1. Павловский И.Я. Немецко-русский словарь. Рига, 1879.
2. Goethe J.W. Werke in zwölf Bänden. Zwölfter Band. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974.
3. Дель В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
4. Примеры взяты из диссертации - Dürsteller H.P. Sprachliche Neuschöpfungen im Expressionismus. Thun 1954.

ЯВЛЕНИЕ ДВОЙНОМ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изменения в семантической структуре слова могут, в значительной мере, определяться грамматическими особенностями употребления слова [1, с. 233; 2, с. 23; 3, с. 111-119]. Среди грамматических характеристик необходимо выделить, прежде всего, дистрибутивные показатели, непосредственно связанные с синтаксисом, и затем морфологические признаки.

В качестве иллюстрации проанализируем условия лексикализации, или в узком смысле субстантивации герундия, т.е. переход герундия как морфологического варианта глагольной парадигмы в субстантивную категорию - герундиальное существительное [4, с. 56, 59].

Можно условно выделить два уровня субстантивации герундия: грамматический и семантический уровень. Субстантивация герундия начинается на грамматическом уровне с особенностей дистрибутивного употребления *-ing* форм [5, с. 4-6]. Если для герундия характерна правосторонняя дистрибуция, то для герундиального существительного характерна левосторонняя дистрибуция. Среди дистрибутивных показателей, выявляющих субстантивную ориентацию *-ing* формы, решающую роль играют функциональные определители [6, с. 88-89], например:

Now a traveller must make his way to Noon City by the best means he can, for there are no buses or trains heading in that direction. ... It's a rough trip no matter how you come, for these washboard roads will loosen up even brandnew cars pretty fast; and hitchhikers always find the going bad.

COVER, p.5

Герундий *going* выразил бы абстрактную идею действия, в этом же случае употребление определенного артикля как функционального определителя влияет на семантику *-ing* формы *going*. Идея действия, выраженная герундиальным су-

ществительным (the going) конкретизируется, уточняется место действия, т.е. идея действия локализуется (не "езда" вообще, а "езда" по данной местности).

Аналогичное явление наблюдается в следующем примере:

Until 1839 Cockatov Island was uninhabited. Then Governor Gipps decided that it would be a good place in which to build grain stores, hewed from the solid rock. To provide free labour for the hewing he established the island as a jail for worst offenders...

CSS, p.77

Употребление функционального определителя the с формой hewing конкретизирует место действия ("выемка грунта, руды" не вообще, а в данной местности).

Несмотря на то, что семантически герундиальные существительные the going и the hewing связаны с герундиями в собственном смысле слова, тем не менее определенный артикль является своеобразным локальным детерминантом, который, с одной стороны, "опредмечивает" действие, с другой стороны, уточняет и сужает смысловой объем -ing формы.

Функциональные определители могут быть представлены не только определенным артиклем, но и неопределенным артиклем, указательными и определенными местоимениями и эмфатическим own, например:

... his tough constitution... had enabled him to survive a battering that would have killed most men...

DGE, p.702

All army officers had suffered such thwarting...

SIW, p.207

She did her own thinking.

HA, p.458

Герундиальное существительное может сочетаться с прилагательным, причастием I и причастием II, которые выступают в качестве определения, например:

... to sell him a suit was to get a lot of good free advertising.

BSS, p.52

Towards morning the rain ceased, the stars ~~came out~~ over the noise and the terrifying clucking and trickling of the water.

LR, p.249

As a result of coordinated listing of names and dates, common agreement was quickly achieved.

MLD, p.177

Все отмеченные дистрибутивные характеристики, свойственные герундиальному существительному, т.е. функциональные определители и определение, выраженное прилагательным и причастием I и II, усиливают субстантивный характер -ing формы.

На семантическом уровне, помимо дистрибутивных факторов большую роль играют морфологические показатели, а именно категория числа.¹ Герундиальное существительное на семантическом уровне резко отличается от герундия по своим морфологическим показателям.

Если морфологическая специфика герундия отражает общую систему глагольных форм и категорий, т.е. категорию временной отнесенности (которая выражена в оппозиции: 'making -having made') [7, с. 308-314; 8, с. 131-132; 9, с. 139-141] и категорию залога (которая выражена в оппозициях: making - being made, having made - having been made), то именная форма - герундиальное существительное - не имеет ни категории временной отнесенности, ни категории залога, но зато она имеет категорию числа, которая выражена в оппозиции: one - more than one, например:

Mat ... sat down to stare at the drawings ²...

ST, p.21

... the second officer was ... watching for fuel system damage or fire warnings,³

HA, p.419

Употребление герундиального существительного во множественном числе, с одной стороны, способствует "определению" - ing формы, с другой стороны, оно вызывает дальнейшее отмежевание семантической структуры герунди-

¹ На наш взгляд, случаи употребления герундиального существительного на грамматическом уровне во множественном числе носят окаzionaleльный характер, т.е. они могут выполнять определенную стилистическую функцию.

² БАРС: drawing - н. - чертёж.

³ БАРС: warning - н. - 1. предупреждение;
2. предвестник; знак, признак (чего-л. предстоящего).

ального существительного от соответствующего герундия. На семантическом уровне герундиальное существительное фактически семантически обособляется от соответствующего герундия, как, например, swelling - "опухоль", landing - "лестничная площадка":

... it wasn't cancer but it was some kind of internal swelling that was quite serious...

BRT, p.217

... they passed out and up the broad staircase into a maze of corridors and dark waistcotted landings.

DGE, p.465

Изучая особенности употребления герундиального существительного во множественном числе, мы обратили внимание на следующее обстоятельство. употребление герундиального существительного во множественном числе может коренным образом изменить его лексические свойства, что связано с явлением так называемой двойной лексикализации. Последнее и является предметом рассмотрения данной статьи.

В семантической структуре существительных с суффиксом -ing мы нередко встречаем лексико-семантические варианты, которые чаще всего употребляются с окончанием -я, например:

- beginnings - "pl. истоки, начальная стадия"¹;
- facings - "pl. цветные нашивы, канты и т.п. на (военных) мундирах";
- makings - "pl. задатки, необходимые качества";
- railings - "часто pl. изгородь; ограда; ограждение";
- tidings - "употр. с гл. в ед. и мн. ч. книги, вести, новости".

Lampton has risen remarkably high, considering his humble beginnings...

BRT, p.166

I was so exasperated that I nearly seized him by the facings of his coat and curled him against the wall.

HC, p.68

... this was the opportunity to demonstrate that she had the makings of the prisoner wife ...

SIW, p.307

¹Этот процесс проявляется, например, в словах

colour - цвет, краска,
colours - полковое знамя Ю,с. III-II2

... I stood by the railings looking at her.

JJD, p.30

... the barmaid's good tidings, and the ride in the rocking bumping tram, had combined to give Amos a feeling of uplift...

ЗМЕЛ, p.76

Возникает вопрос: какова лингвистическая природа этих образований?

В этих случаях проявляется своеобразный процесс в семантической структуре герундиальных существительных, а именно, процесс, который мы называем двойной лексикализацией (double lexicalization) [4, с.73].

Сущность двойной лексикализации состоит в том, что не только суффикс -ing способствует созданию новых лексем, но также и окончание -s, образующее множественное число существительных, может превратиться в словообразовательный формант, например:

takings - n.

1. взятие, овладение, захват и пр.;
2. pl. барыши, выручка, сбор;
3. захват, арест;
4. 1) ловля (рыб, животных); добывание;
2) улов (рыбы); добыча (на охоте);
5. уст. 1) возбуждение, волнение, тревога;
2) (печальное) положение; (плохое) состояние;
6. полигр. урок наборщика.

He can never remember how he spends or what has happened to his takings in the last month...

СМЛ, p.193

wrapping - n.

1. обычн. pl. обертка;
2. упаковка;
3. сорточный или упаковочный материал.

He saw it almost at once when he emptied the bin - a ball of wrapped paper which looked like sandwich wrappings.

НА, p.367

В последних примерах суффикс -s в словах wrappings и takings связывается не с чисто грамматическим различием числа в формах одного и того же слова, а оказывается средством актуализации нового лексико-семантического варианта.

В определенной мере мы можем говорить и о лексикализации формообразующих суффиксов, когда последние превращаются в словообразовательные элементы.

А И. Смирницкий справедливо отмечает, что в определенных случаях может оказаться, что известное число, или, вернее, комплект предметов в силу тех или других объективных причин осмысливается как некоторый особый предмет, - и в таких случаях отношение к определенному числу превращается уже в признак данного комплексного предмета [10, с. 57].

Двойную лексикализацию можно определить как переход двух формообразовательных элементов в словообразовательные суффиксы. "-ings" этимологически можно представить как результат лексикализации двух формообразовательных морфем - ing и -s, ибо последние в данном случае образуют не грамматические формы (герундий, множественное число), а новые лексемы.

Особенность двойной лексикализации заключается в том, что и -ing и -s выступают здесь как словообразовательные элементы. Следует говорить о новом словообразовательном суффиксе -ings, который образовался в результате лексикализации двух формообразующих компонентов -ing и -s.

Необходимо отметить, что лексикографы нередко трактуют образование на -ings как лексико-семантические варианты соответствующих существительных на -ing, например:

picking - n.

1. 1) воровство;
2) pl. пожина от мелкой кражи;
2. pl. остатки, объедни;
3. 1) собирание;
2) сбор (плодов, урожая);
3) ломка, оципка, оципывание.

There might be some small pickings left... But the prospect of a big killing was gone. НА, p.441

The Navy was awarded prize money while the pickings of the Army were, for some inscrutable reason, regarded as lost. DGE, p.15

dripping - n.

- I. 1) капанье, стекание каплями;
- 2) просачивание;
2. 1) падающая каплями жидкость;
- 2) обычн. pl. вытекший сок, жир, стекающий с мяса (во время жарения).

I reached the end of the bread and spread on the last of the bacon drippings... HC, p.468

Небезинтересно отметить, что существительные на -ings могут использоваться метафорически, как например:

... Jones had what Manson considered negroid features and, according to Linda, Charlie was always putting him down, referring to him as "the drippings" from a white man's dick." BHS, p.350

Кавычки показывают графически, что слово "drippings" здесь употребляется не в своем usualном значении "вытекший сок; жир, стекающий с мяса (во время жарения)". Значение слова "drippings" в последнем примере можно было бы определить как "поддон, оброст".

В семантической структуре некоторых существительных на -ing только один лексико-семантический вариант актуализируется во множественном числе, например:

filings - n.

- I. опилочка;
2. pl. металлические опилки.

But what attracts armadillo, as a magnet attracts steel filings, is a nice juicy rotten carcass. DDF, p.41

teaching - n.

- I. преподавание, обучение;
2. 1) преподаваемый предмет;
- 2) часто pl. учение, доктрина

It was all very well to recall the teachings of his father and tell himself that Ballou had not been born with rare prejudice in his heart... MLD, p.73

Многие существительные на -ing имеют несколько лексико-семантических вариантов, которые употребляются чаще всего во множественном числе, например:

doing - n.

- I. делание; дело;

2. pl. 1) дела, действия, поступки; поведение;
2) события;
3) возня, шум.

3. 1) разг. нахлобучка;
2) уст. убыток, ущерб;

4. pl. амер. затейливые блюда; приправы;

5. pl. делишки (особ. о совокуплении).

... he'd left the electric light burning in the strange room, and read a movie magazine till he knew the latest doings of the Hollywood stars by heart... COVR, p.11

Almost any tale of our doings is comic.

MBP, p.81

... today's doings were planned months ago and can't be postponed.

ST, p.76

surrounding - n.

1. pl. окрестности;

2. pl. среда; окружение;

3. свита, сопровождение.

As I walked into the room, I felt strangely out of harmony with the surroundings, the music having put a spirit in my feet that made them seem to drag.

ASS, p.63

Varney listened to him, made occasional comments, was aware of his surroundings.

MID, p.320

Bunnie entered uncertainly, glancing questioningly around her at the unfamiliar people and surroundings.

HA, p.375

Анализ лексико-семантических структур таких слов, как picking, dripping, filing, teaching, doing, surroundings заставляет нас делать вывод, что они состоят из различных лексико-семантических вариантов, некоторые из которых актуализируются, только во множественном числе, например, pickings - "пожива от мелкой кражи; остатки, объедки;" drippings - "вытекший сок; жир, стекающий с мяса (во время жарения)" и др. Но нередко встречаются случаи, когда существительные на -ings зарегистрированы в словаре в форме единственного числа, но с пометой "обыкновенно" или "часто pl.", относящиеся ко всем лексико-семантическим вариантам слова, как например:

furnishing -n. обыкн. pl.

I, обстановка, меблировка;

2. домашние принадлежности;
3. 1) украшения;
- 2) предметы одежды;
4. оборудование.

... she'd transformed the Judge's house into a place of taste and style with Oriental rugs and antique furnishings.

CGH, p.56

... many stewardesses managed to acquire home furnishings - blankets, pillows, towels, linen napkins, glasses, silverware - in surprising quantities...

HA, p.131

vapouring - n. часто pl.

1. похвальба, хвастовство;
2. пустая болтовня, разглагольствование, пустословие, высокопарность.

... she had a horrid certainty, that he assumed her to be overwhelmed by nothing more momentous than the majesty of the occasion, that and the vapourings that were reckoned obligatory on the part of an inexperienced girl receiving her first proposal of marriage.

DGE, p.46

Большой интерес представляют собой случаи, когда образования на -ings выступают как совершенно самостоятельные лексические единицы и лексикографически они поданы только в одной форме - существительном с суффиксом -ings, например: earnings - n. - pl.: 1. заработок, заработанные деньги; трудовой доход.

His earnings became adequate for a decent life...

MID, p.119

McGraw and Mary lived still in the house in Queens that McGraw had bought with the earnings from his first sizable construction job thirty years and more ago.

ST, p.46

Во многих случаях наряду с существительным на -ing зарегистрировано и существительное на -ings, т.е. образования на -ing и -ings имеют самостоятельные словарные статьи, которые могут быть моносемантическими, как например, siftings, leavings, или полисемантическими, например, belongings, trappings.

sifting - n.

siftings - n.

1. 1) просеивание;
- 2) тех. грочечение.
2. посыпание; обсыпание.

употр. с гл. во мн. ч.

отруби, высевки.

His shabby blue suit was covered with dampish reddish silky siftings, which in a moment I recognized as Rachael's hair, which he must have clipped in order to examine her head.

MBP, p.37

leaving - n.

- I. 1) уход, отъезд;
- 2) оставление;
- 2) позволение, разрешение;
3. 1) окончание;
- 2) аттестат зрелости; диплом.

belonging - n.

связь, общность

leavings - n.

УПОТР. В РЛ. ВО МН. Ч.

остатки, отбросы.

belongings - n.

- pl. 1. вещи, принадлежности, пожитки;
2. принадлежности (аппарата и т.п.), части, детали;
3. пристройки, службы;
4. редк. оливки, родственники.

... he would have to call Cindy and arrange to move out his clothes and personal belongings.

HA, p.500

a quilt stuffed fat with belongings bulged on her back.

COVR, p.91

trapping - n.

остановка

trappings - n.

- I. украшения;
2. аммуниция; парадный мундир;
3. конская сбруя; попона (особ. парадная).

adam ... still saw Henrietta's quaint obsession with scarlet-clad Empire builders as a romantic fancy for the traditional trappings of military pomp...

DGE, p.354

По-видимому различное лексикографическое оформление образований на -ings в одном и том же лексикографическом источнике (БАРС) зависит от степени семантической близости последних и соответствующих существительных суффиксом -ing. Если семантическая связь тесная, как в словах taking(s),

picking(s), dripping(s) и пр., то существительное на -ings входит в семантическую структуру существительного на -ing. В случаях осязаемого семантического разрыва между существительными на -ing и -ings, они трактуются как самостоятельные лексемы, как например: belonging, belongings, sifting, siftings и пр. Лексикографическая самостоятельность образований типа siftings и belongings говорит о процессе становления новой словообразовательной модели V(глагольная основа) + ings в современном английском языке. Развитие этой модели связано с явлением двойной лексикализации.

Самостоятельный характер существительных на -ings подтверждается в определенной мере их словообразовательной потенцией. Существительные с суффиксом -ings могут послужить основой для создания новых слов при помощи префиксов и послелогов, как например:

outgoings - n. pl. издержки, расходы;

goings-on - n. pl. поведение, поступки; образ жизни
(прим. неодобр.).

It grew out of need to correlate the day-to-day work of Keate, ... Tybalt..., as well as the income and outgoings of the parent yard. DGE, p.257

... in most cases the nag-bag of consciousness is only unified by the experience of great art or of intense love. Neither of these was relevant to my messy and absent-minded goings-on. MBP, p.190

... we can have a fortnight's fishing, swimming, drinking, and, I hope, sinful goings-on... BRT, p.194

Как видно из примеров, двойная лексикализация становится весьма продуктивным способом создания новых слов на базе герундиальных существительных. Частично это можно объяснить абстрактным характером первичного значения герундиальных существительных, а именно - процессуальность. Тот факт, что герундиальные существительные с процессуальным значением по своему лексическому значению реже всего связываются с числовой характеристикой, создает условия для отрыва и выделения нормы множественного числа с иным собственно лексическим значением.

Семантический отрыв наиболее четко проявляется, когда лексико-семантические варианты существительных на-ings носят терминологический характер, как например:

proceedings - "юр. судебное разбирательство, судопроизводство, судебная процедура";

pleadings - "юр. судоговорение";

workings - "горн. выработки";

ratings - "тех. цифровые данные" и др.

There was a tendency ... to regard legal proceedings as automaticall, slow and tedious. ИА, p.106

when the pleadings were finished, the Judge began to sentence men already, convicted... МЛД, p.199

Lovell... shouldered his way ... into the pit manager's office, where a group of men in topcoats were standing round a stock, figure studying a plan of the workings.

DGE, p.341

Выводы:

1. Учитывая дистрибутивные и морфологические характеристики, в современном английском языке можно выделить: 1) герундий в собственном смысле этого слова, для которого характерна правосторонняя дистрибуция (наличие прямого дополнения и наречия); и 2) его производное - герундиальное существительное, отличающееся от герундия левосторонней дистрибуцией (функциональные определители и определение).
2. Среди грамматических факторов, которые влияют на семантику герундиального существительного, решающую роль играет морфологический категориальный признак числа.
3. В современном английском языке можно говорить о становлении новой словообразовательной модели: V (глагольная основа) + ings, где ings является своеобразным словообразовательным суффиксом, становление которого связано с явлением двойной лексикализации.

Двойная лексикализация - это переход двух формобразующих элементов (в данном случае -ing и -s) в словообразовательный суффикс, например:
belongings - вещи, принадлежности;
trappings - украшение.

4. Проанализировав 120 примеров с образованием на -ings из 23 произведений, можно сделать вывод, что двойная лексикализация становится весьма продуктивным способом создания новых слов на базе герундиального существительного. Особенно это дает о себе знать, когда существительные на -ings выступают как термины, например, ratings - техн. цифровые данные; pleadings - юр. судопроцесс.

Литература

1. Bugarski R. On the Interrelatedness of Grammar and Lexis in the Structure of English. Vol.19, No.3, Amsterdam, 1968.
2. Виноградов Б.В. Русский язык. М., 1947.
3. Лисоченко Л.В. Условия изменения грамматической семантики словоформ. - В кн.: Проблемы грамматической семантики. Ростов-на-Дону, 1978, с. III-III9.
4. Naumova I.A. The Linguistic Status of the Noun in -ing in Modern English. - В кн.: Вопросы английской филологии, Рига, 1976 с. 49-76.
5. Крылова Е.В. Грамматические оппозиции в системе форм на -ing в современном английском языке и их нейтрализация. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1978.
6. Fries Ch. The Structure of English. London, 1963.
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
8. Ilyish V. The Structure of Modern English. Л., 1971.
9. Корнеева Е.Л. и др. Пособие по морфологии английского языка. М., 1974.
10. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Цитируемые источники

1. ASS - Australian Short Stories. М., 1975.
2. BHS - Vincent Bugliosi with Curt Gentry. Helter Skelter. Bantam Books. Toronto, N.Y., London, 1975.
3. BJ - Peter Benchley. Jaws. N.Y., 1975.
4. BRT - John Craine. Room at the Top. М., 1961.

5. CAS - Michael Crichton. The Andromeda Strain. N.Y., 1969.
6. CGH - Truman Capote. The Grass Harp. M., 1974.
7. CMJ - Joyce Cary. Mister Johnson. 1971.
8. COVR - Truman Capote. Other Voices, Other Rooms. N.Y., 1948.
9. CSS - Frank Clune. Saga of Sydney. Sydney, 1962.
10. DDF - Gerald Durrell. The Drunken Forest. London, 1964.
11. DGE - R.F. Delderfield. God is an Englishman. N.Y., 1971.
12. DMO - Lloyd C. Douglas. Magnificent Obsession. N.Y., 1969.
13. HA - Arthur Hailey. Airport. N.Y., 1970.
14. HC - Susan Howatch. Cashelmarra. Greenwich, Connecticut, 1975.
15. HH - Arthur Hailey. Hotel. London, 1971.
16. HM - Arthur Hailey. The Moneychangers. N.Y., 1976.
17. LR - D.H. Lawrence. The Rainbow. Penguin Books, 1968.
18. MBP - Iris Murdoch. The Black Prince. 1975.
19. MLD - Albert Maltz. A Long Day in a Short Life. N.Y., 1957.
20. SIW - Irving Stone. Immortal Wife. London, 1971.
21. SSS - William Saroyan. Selected Short Stories. M., 1975.
22. ST - Richard Martin Stern. The Tower. N.Y., 1974.
23. WBL - Keith Waterhouse. Billy Liar. 1967.
24. БАРС- Большой англо-русский словарь. М., 1972.

КОННОТАТИВНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ТРАНСПОЗИЦИЙ ВНУТРИ ОТРЯДА НЕМЕЦКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Под коннотацией в данной статье понимается вторичная по отношению к денотативному содержанию информация о мыслях и чувствах говорящего, реализуемая имплицитно в контексте [19, с.35]. Различаются: количественные коннотации, связанные с интенсификацией денотативного содержания в единстве его сем, и качественные коннотации, потенциально связанные с отдельными семами денотативного значения [4, с.20]. Так, с семой "автор речи" (первое лицо) потенциально связана и в определенных условиях контекста реализуется коннотация "эгоцентризм, субъективность", с семой "адресат речи" (второе лицо) связана коннотация "контактность, обличенность", а с семой "неучастник речи" (третье лицо) - коннотация "дистанцированность". Транспозиция - один из способов реализации качественных коннотаций.

Транспозиция представляет собой перенос грамматической формы в контекст, сферу функционирования одного из своих системных противочленов и осуществляется в соответствии с оппозиционными отношениями форм в системе внутри одной парадигмы [16, с.53].

Немецкие личные местоимения можно рассматривать как члены одновременно трех парадигм: 1) парадигмы личных местоимений, 2) парадигмы субстантивных местоимений в целом, 3) парадигмы субстанциональных слов в целом. Транспозицией внутри первой парадигмы является, например, транспозиция местоимения первого лица множественного числа в сферу функционирования местоимения первого лица единственного числа; внутри второй парадигмы наблюдаются транспозиции личных местоимений в сферу функционирования местоимения "над", внутри третьей парадигмы - транспозиция личных местоимений в сферу функционирования существительного.

Транспонируемая в контекст своего системного противочлена форма приобретает под давлением контекста на денотативном уровне переносное значение - ту или другую сему своего противочлена и начинает выступать как контекстуальный синоним этого последнего: оппозиция обеих форм на определенном отрезке текста нейтрализуется. Прямое значение - сема данной формы вытесняется на коннотативный уровень вместе со своей потенциальной коннотацией; не погаясь полностью, обе присутствуют в тексте ассоциативно в новом качестве - как иллюзорные [4, с.48]. Так, при транспозиции I л. мн. ч. → I л. ед. ч. на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят семы местоимения "множественность", "объединение с другими лицами" и потенциально связанные с ними коннотации - "обобщенность" и "коллективизм". Конечный результат транспозиции - двуплановость содержания, грамматическая образность, метафора с особого рода коннотациями: обязательная характеристика последних - иллюзорность.

Значение, развиваемое в транспонируемой форме, контрастирует с ее основным, системным значением, и тем самым оно отлично от других возможных синтагматических значений данной формы, которые являются модификациями системного значения в его же плоскости [18, с.93]. Одновременно транспонируемая форма контрастирует и с контекстом, выступая вместо предполагаемой им другой формы, контекст и форма контрдетерминируют друг друга [20, с.219].

Таким образом, коннотации реализуются в грамматической метафоре при двойном отклонении от нормы: 1) от общезыковой нормы [13 ; 14 ; 17 ; 21] - форма приобретает переносное значение, не согласующееся с ее системным значением; 2) от нормы текста [4 ; 6 ; 8 ; 14 ; 17 ; 22] - контрдетерминация контекста и формы в одном или нескольких содержательных признаках.

Для функционирования грамматической метафоры необходим контекст. Если оппозиционные отношения в системе предпри-

делают общие, принципиальные возможности транспозиции и метафоризации форм, то только в контексте метафора может быть реализована и воспринята как таковая слушателем/читателем. Таким образом, контекст выступает как реализатор денотативного и коннотативного уровней грамматической метафоры: на обоих уровнях контекст осуществляет функцию выбора/идентификации определенного значения и функцию его актуализации.

Общетеоретические положения об идентифицирующей и актуализирующей функциях контекста [9] широко используются прежде всего в контекстологическом анализе собственно лексических и грамматических значений. Нам представляется необходимой и плодотворной разработка этих положений в отношении также и коннотативных значений.

Основным идентифицирующим фактором для коннотативного уровня грамматической метафоры является контрастность, оппозиционность контекста определенной денотативной семе транспонируемой формы: именно эта сема переходит, как уже говорилось, на коннотативный уровень; тот же контраст, оппозиция идентифицирует и коннотацию, потенциально связанную с данной семой.

Более сложным и интересным объектом исследования является актуализация коннотативных значений и актуализирующий контекст.

В зависимости от наличия/отсутствия тех или других контекстных факторов элементы коннотативного уровня грамматической метафоры актуализируются по-разному. Первая основная возможность: актуализация в неизменном и вместе с тем самым общем виде - просто с характеристикой иллюзорности. Вторая основная возможность: актуализация в более частном, конкретизированном виде. Так, коннотативные элементы грамматической метафоры при транспозиции I л. мн. ч. → I л. ед. ч. : иллюзорные множественность, обобщенность, объединение с другими лицами и коллективизм актуализируются в зависимости от контекста в частных качествах: 1) величественнос-

ти, могущественности (*pluralis majestatis*), 2) авторской скромности (*pluralis modestiae*) или 3) повышенной оценки.

В зависимости от условий контекста может осуществляться также либо самостоятельная актуализация отдельных коннотаций грамматической метафоры, либо их совместная актуализация. Названные конкретизированные актуализации могущественности, величественности и авторской скромности являются одновременно примерами совместной актуализации нескольких коннотативных элементов грамматической метафоры.

При достаточной структурной сложности - особенно в художественном произведении - контекст может обогатить узуальную реализацию коннотативного плана определенной грамматической метафоры дополнительными индивидуальными актуализациями. Необходимо подчеркнуть, что в любом случае коннотации, реализуемые контекстом в транспонированной форме, отличаются по своему характеру от коннотаций той же формы в прямом, не переносном употреблении.

Важной представляется идея о комплексном характере контекста, детерминирующего реализацию того или другого значения языковых единиц [3 ; 15]. Таким образом, контекстные факторы, причастные к актуализации определенной коннотации, взаимодополняют друг друга и взаимодействуют между собой, выступая как единый актуализирующий контекстный комплекс - АКК.

Существует тенденция ограничить понятие контекста только собственно языковыми факторами, дать ему, таким образом, строго лингвистическую трактовку [1; 2; 9; 10]. Этим, конечно, не отрицается зависимость реализации единиц языка еще от целого ряда факторов, не представляющих собственно языковую материю и закономерности ее организации [1, с.23-24]. Но комплексный подход, соответствующий комплексной природе самого явления, все же нарушается: лингвистические контекстные факторы представляются как отдельные самостоятельные и изолированные сущности, тогда как в действительности они функционируют во взаимодействии с внеязыковыми факторами. Вместе с тем вносится определенное противоречие в понима-

ние актуализации: с одной стороны, функция актуализации приписывается контексту, ограничиваемому лингвистическими факторами, с другой стороны, не отрицается, что той же способностью обладают и факторы, подлежащие вынесению за рамки контекста в указанной трактовке; в то время, как понятие актуализации предполагает принципиально максимальную информативность реализуемых единиц [7, с.40-41], ограничение контекста только лингвистическими факторами ведет к отождествлению частичного объема актуальной информации с полным ее объемом, частичной актуализации - с потенциально полной актуализацией или даже к подмене актуализации идентификацией, что вполне оправданно вызывает возражения [12].

Мы придерживаемся широкого понимания контекста, выделяя, в частности, в качестве актуализирующих контекстуальных опор: ситуативный контекст - СК, внутренний контекст [10, с.44] - ВК, непосредственный лингвистический контекст, ограничивающийся связями личного местоимения в предложении и его связями с антецедентами за рамками предложения - НЛК, ближайший лингвистический контекст, ограничивающийся тематическими связями местоимения - БЛК, широкий контекст - ШК, композиционные опоры - КО, внетекстовые парадигматические опоры - ВПО (например, нормы функциональных стилей), просто внетекстовые опоры - ВО (например, предварительное знание читателя) и др.

При анализе актуализирующего контекстного комплекса тех или иных коннотаций - так же, как и денотативных значений - возможно разграничение обязательных и факультативных контекстных опор.

Задача статьи - выявить качества, в которых актуализируется коннотативный уровень транспозиций внутри отряда немецких личных местоимений в художественной литературе, а также соответствующие актуализирующие опорные признаки контекста и их комплексы.

1. Транспозиции местоимений первого лица.

Пример актуализации коннотативного уровня при транспозиции *wir* → *ich* в качестве

I) величественности, могущественности:

(I) "Sie wird vor unser geheimes Gericht gestellt. Wir werden das Weitere schriftlich verfügen. Wir wollen die Frau nicht mehr sehen". (MHN, 300).

В своем лице говорящий представляет государственный аппарат, государственную власть.

Денотативное переносное значение "wir" при транспозиции - единичный говорящий. Системные денотативные семы "wir" - "множественность" и "объединение говорящего с другими лицами" вытесняются, как уже говорилось, вместе со своими потенциальными коннотациями обобщенности и коллективизма на коннотативный уровень, их совместную актуализацию в качестве величественности, мощи обуславливают следующие контекстные факторы, составляющие единый комплекс.

Опорный признак ситуативного контекста (СК): высокое общественное положение говорящего - глава государства.

Внетекстовая парадигматическая опора (ВПО): один из признаков нормы стиля официальной и деловой речи - речь монархических лиц.

Используя сокращения, вышеназванный актуализирующий контекстный комплекс можно записать: АКК = СК + ВПО.

Пример актуализации коннотативного уровня при транспозиции wir → ich в качестве 2) авторской скромности:

(2) Man sieht, daß wir darauf denken, alles zu sagen, was für ihn einnehmen kann, aber wir beurteilen ihn ohne Überschwang und machen ihn weder besser noch schlechter, als er war. Hans Castorp war weder ein Genie noch ein Dummkopf, und wenn wir das Wort "mittelmäßig" zu seiner Kennzeichnung vermeiden, ... (MTZ, 47).

Здесь и далее дается формально запись актуализирующего контекстного комплекса с последующим раскрытием конкретного качества составляющих комплекса по возможности в виде: а = в + с: (словесная характеристика качества в) + (словесная характеристика качества с).

Итак, АКК для коннотативного уровня только что приве-

денной транспозиции в примере (2):

АКК = СК + ВПО: (говорящий - единоличный создатель художественного произведения) + (один из признаков нормы стиля художественной литературы).

Формальная запись актуализирующего контекстного комплекса осуществляется не только в целях экономии места; она обнажает структуру различных в своем конкретном качестве актуализирующих контекстных комплексов, позволяет увидеть их структурное единообразие или различие. Так, для названных выше коннотативных актуализаций: 1) мощь, величие и 2) авторская скромность контекстные комплексы по своему конкретному качеству различны, но по принципиальному, общему строению они одинаковы - АКК = СК + ВПО.

Пример актуализации коннотативного уровня транспозиции *wir* → *ich* в качестве 3) повышенной оценки (см. "die Konnotation der gehobenen Wertung" у Б.Найдова [19, с.102]):

(.) Fünf Mann standen in einer kleinen Runde auf dem Asphalt, schwangen Hämmer, zerspalteten den Asphalt, den in der grünen Jacke kennen wir, bestimmt, der hat Arbeit, das können wir auch machen, später mal... (DAB, 125).

АКК = СК + ВПО: (высказывание соотносимо с одним только говорящим) + (один из признаков нормы стиля обиходно-разговорной речи).

Своеобразно использование данного актуального качества коннотативного уровня транспозиции *wir* → *ich* в романе А.Деблина "Берлин Александрплац". Здесь это не только характерологическое средство, т.е. средство художественного воссоздания разговорно-просторечного колорита и экспрессивности в речи персонажей. Коннотативная повышенная оценка в речи (прямой и несобственно-прямой) главного персонажа Франца Биберкопфа включает также в выражение особого художественного смысла, художественной образности: Франц Биберкопф, потерпевший жизненную неудачу в прошлом и постоянно терпящий поражения в настоящем, одинокий и запутавшийся, ищет себе значительности, подбодрить себя, транспонированное "wir" Франца в системных связях целого

произведения становится как бы знаком попыток персонажа обрести душевное равновесие, знаком его до некоторой степени искусственных оптимизма и бодрости.

Названные актуализации коннотативного уровня транспозиции I л. мн. ч. → I л. ед. ч. достаточно известны и относятся к узуальным. Контекст художественного произведения может обогатить и индивидуализировать коннотативный уровень данной транспозиции.

(4) Wachstum, Wachstum. Solange man wächst und die Krone breitet, ist man jung, und auf unserer gegenwärtigen Stufe, bei so schöner Erweiterung unseres Wesens, sollten wir "Amor und Psyche" angreifen: aus hoch-fähigem Alter, tief erfahrener Würde, von Jugend geküßt, sollte das Leichteste, Lieblichste kommen. (MTL, 261-262).

Данный пример является отрывком из внутреннего монолога главного действующего лица - И.В.Гете - в романе Т.Манна "Лотта в Веймаре".

Коннотации транспозиции I л. мн. ч. → I л. ед. ч. актуализируются в данном случае совместно в четырех качественных направлениях одновременно, как:

1) величественность, возвыченность поэта. - Говорящий в полной мере осознает величие и мощь своего поэтического таланта.

АКК = СК_{I+2} + БЛК_{I+...} + (ВО)_{Фак.}: (высокое положение говорящего в сфере искусства + почтенный возраст) + (различные средства высокой положительной оценки, среди них: tief erfahrene Würde, hoch-fähiges Alter) + (предварительное знание читателем творческой и человеческой личности Гете - факультативно).

Цифры под буквами обозначают количество контекстных опор, например: СК_{I+2} - две обязательные опоры ситуативного контекста; СК_{I+...} - количество опор ситуативного контекста больше единицы, и оно может быть произвольно увеличено.

2) скромность, сдержанность поэта.

АКК = СК + БЛК_{I+...} + ВПО: (говорящий выступает в функ-

ции единоличного автора, создателя художественных произведений: тема отрывка - творческие планы, замыслы) + (различные средства высокой положительной оценки самого себя) + (один из признаков нормы стиля художественной литературы).

В данном случае в транспозиции I л.мн.ч. → I л.ед.ч. как бы скрещиваются *pluralis majestatis* и *pluralis modestiae*, в ней - проявление скромного достоинства и величия.

3) включенность в я поэта многих других я. - За свою долгую жизнь поэт воссоздал и пережил в своих произведениях множество жизней и судеб.

АКК = БЛК_{I+...} + ШК_{I+...} + (ВО)_{фак.}: (Erweiterung unseres Wesens, auf unserer gegenwärtigen Stufe, "Amor und Psyche" - с presupпозицией многочисленных предшествующих произведений) + (указания на несколько произведений, в каждое из которых вложена частица я поэта) + (предварительное знание читателя - факультативно).

4) выход за пределы сферы конкретно-личного, возвышение над ней. - Говорящий вытупает не как отдельная конкретная поэтически одаренная личность, а как проявление некоего всеобщего природного творческого начала.

АКК = БЛК_{I+...}: (семантика абстрактных существительных Wachstum, Erweiterung; отождествление с деревом; местоимение "man").

Конечным коммуникативно-стилистическим эффектом транспозиции I л.мн.ч. → I л.ед.ч. в данном случае является особого рода авторское "мы": образ поэта - возвышенного и могущественного творца.

При wir → du (Sie) на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят системные семы "wir": "автор речи", "объединение с другими лицами", "множественность" и потенциально связанные с ними коннотации субъективизма, коллективизма и обобщенности. При wir → ihr (Sie) сема "множественность" остается на денотативном уровне.

В обеих транспозициях названные коннотации актуализиру-

ются совместно как личная заинтересованность и участие [20, с.107-108, 280-281]. - Говорящий как бы солидарен с адресатом речи (адресатами), включается в круг его (их) мыслей, действий, забот.

(5) "Ich wußte wohl", sagte die Konsulin, "daß wir ruhigen Vorstellungen zugänglich sind ... haben wir vielleicht schon einen Entschluß gefaßt?" (МТВ, 100).

Мать сочувственно и успокаивающе обращается к дочери, стремясь одновременно узнать, принимает ли та предложение, сделанное ей молодым человеком.

(6) "Und meine alten Tage?" fragte sie hiefauf nur, schien aber ein tiefes Geheimnis zu bekennen.

Er sagte menschlich: "Kopf hoch! Un drohen keine alten Tage". (МТВ, 31).

АКК для (5) и (6) = [СК] + (БЛК_{I+...} или НЛК_{I+...})_{фак}

Частные ситуативные признаки обоих приведенных примеров сводятся к одному общему: говорящий является "хозяйном положением", "более высоким по рангу", находится как бы в более независимом положении, ср.: мать в (5), мужчина, не подверженный страху перед старостью в отличие от женщины в (6). Реже встречаются случаи, когда говорящий и адресат равноправны.

Опора лингвистического контекста факультативна. Так, только в (6) налицо опоры БЛК и НЛК: семантика ободрения в выражении: Kopf hoch!; отрицание правомерности тревог собеседницы: keine alten Tage.

2. Транспозиции местоимений второго лица.

При du → ich на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходит системная сема "du" - "адресат" и связанная с ней потенциальная коннотация контактности, сближенности. Названные два коннотативных элемента актуализируются каждый самостоятельно.

(7) Hat mir über die Verwandtschaft des "Divan" mit "Faust" die hübschesten, instinctivsten Dinge gesagt

und war allerwege ein guter Reisegefährte und vertrauter, dem man sich gerne eröffnete im Wagen und bei der Einkehr über die Geschichten des Lebens. Weißt du die Fahrt von Frankfurt nach Heidelberg, wo du ihm von Ottilien sprachst bei erscheinenden Sternen, wie du sie lieb gehabt und um sie gelitten, und geheimnisvoll faseltest vor Kälte, Excitation und Schläfrigkeit. Ich glaube, er hat sich gefürchtet ... (MTL, 290).

1) Коннотация иллюзорного адресата актуализируется как активизация чувств и мыслей говорящего.

$AKK = SK + [SK_{I+...} + НЛК_{I+...} + БЛК_{I+...}] + КО + (НЛК)_{фак.}$:
(наличие конкретного слушателя, однако, в лице себя самого) + (общий признак наиболее важного, волнующего, производный от содержания описываемых говорящим ситуаций, БЛК и НЛК) + (форма внутреннего монолога). В качестве факультативной опоры выступает транспонированная форма вопросительного предложения (реторический вопрос) с коннотациями иллюзорной вопросительности и иллюзорной адресатности.

2) Иллюзорная контактность, обличенность актуализируется как пределная откровенность говорящего.

$AKK = SK + [SK_{I+...} + НЛК_{I+...} + БЛК_{I+...} + ШК_{I+...}] + КО$:
(наличие конкретного, максимально близкого говорящему "соседа"), + (общий производный признак: а) либо высказывание очень интимно, сокровенно, б) либо высказывание содержит строгую и объективную оценку себя самого или окружающих, которая иногда может быть даже неприятной и тяжелой для самого говорящего или окружающих) + (форма внутреннего монолога).

В качестве иллюстрации к производному опорному признаку б) см. пример ниже - нелестное для себя признание говорящего в том, что он во многом похож на своего отца.

(8) Du hast viel von ihm, Statur und manches Gehaben, die Sammellust, die Fürmlichkeit und Polypragmosyne, verklärtest seine Pedanterie. Je älter du wirst, je mehr tritt das gäsenstische Alte in dir hervor (MTL, 299).

При ihr → du на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят сема "ihr" - "множественность" и потенциально связанная с ней коннотация обобщенности. Они актуализируются совместно как завуалирование, смягчение высказывания.

АКК = СК + НЛК_{I+...} или БЛК_{I+...}: (единичность адресата) + (отрицательная оценка адресата говорящим).

(9) "Arme Melusine, deine [deine Stimme - Н.Р.] war himmlisch". Aus echter Teilnahme verriet die Tochter, was sie von der Mutter hielt. "Der Alkohol, das Nachtleben, lauter Bedürfnisse [...]: so seid ihr". (МНЕ, 10).

Используя множественное "ihr" по отношению к матери, дочь указывает на то, что судьба матери - не единичный случай; она соотносит пороки матери не только с ней одной, а как бы перекладывает их на плечи и других. Тем самым весьма нелестная оценка, которую дает дочь своей матери, обретает более мягкий и щадящий характер, чем если бы была использована словоформа "du".

При Sie → du на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят сема вежливого обращения и связанная с ней потенциальная коннотация дистанционности. Они актуализируются совместно чаще всего в качестве иронической почтительности. К иронизации предрасполагает именно характеристика иллюзорности у коннотативных элементов.

(10) "Um Vergebung, hochzuverehrender Geheimrat! Wenn ich sagte, daß ich Geld bei Ihnen vermutete, - Nein. Ein für alle Male nein. Ich werde Ihnen nie wieder Geld vertrauen. Sie weichen von der gesunden Vernunft gar zu weit ab. Ihr gehorsamer Filius verdankt dem Geld, ob er es hat oder haben will, seinen klaren Kopf". (МНЕ, 49).

Сын пришел просить у своего отца-скряги займа денег. Но все мольбы оказались напрасны. Разозленный сын обращается к отцу, против обыкновения называя его на "Вы" и вспоминая даже его высокий чин (хотя отец, девяностолетний старик, уже давно отошел от государственной и общественной деятельности).

Формальная запись структуры актуализирующего комплекса отражает особый механизм иронизации:

$$\text{АКК} = \text{СК} + \frac{\text{НЛК}_{I+\dots} + \text{БЛК}_{I+\dots}}{\text{СК}_{I+\dots} + (\text{НЛК}_{I+\dots} \text{ или } \text{БЛК}_{I+\dots})_{\text{фак.}}}$$

Ситуативный признак - адресат, не требующий вежливого обращения, сочетается, с одной стороны, с выражением высокой положительной оценки и почтения к адресату - um Vergewbung, hochzuverehrender Geheimrat, gehorsamer Filius, с другой стороны, с ситуативными признаками отрицательного отношения к адресату или отрицательных свойств, поступков, мыслей самого адресата. В качестве факультативной опоры выступает лингвистический контекст отрицательной оценки говорящим адресата, в данном примере: Sie weichen von der gesunden Vernunft gar zu weit ab.

3. Транспозиция местоимений третьего лица.

В транспозициях третье лицо → первое лицо одновременно с местоимениями участвуют также и существительные-антецеденты в индивидуализирующем употреблении.

На коммутиативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят сема "неучастник речи" и связанная с ней потенциальная коннотация дистанцированности, актуализируясь в зависимости от контекста различным образом.

Транспозиция третье лицо → первое лицо часто встречается в речи детей. До определенного возраста они не очень четко различают эти местоимения; по аналогии и в речи взрослых в определенном контексте иллюзорные неучастник речи и дистанцированность могут актуализироваться как I) имитация детскости, ласковое приспособление к уровню адресата.

(II) Mein Töchterchen muß durchaus nicht glauben, daß ich es drängen und quälen will ... Das alles kann mit Ruhe erwogen werden, muß mit Ruhe erwogen werden, denn es ist eine ernste Sache. Das werde ich auch Herrn Grünlich antworten und sein Gesuch weder abschlagen noch be-

willigen ... [...] So ... Sehen wir wohl? abgemacht! Nun geht Papa an seine Arbeit ... (МТВ, 98).

АКК = СК_{I+2}+ ВК или НЛК_{I+...} или БЛК_{I+...}: (говорящий "выше по рангу" - старше, сильнее, пытнее, более зрелый и т.д. + близкие отношения между собеседниками) + (ласкательность, уменьшительность - mein Töchterchen, Papa).

2) Строгость, холодность к адресату.

АКК = СК_{I+...}: (отрицательные или нежелательные поступки адресата, уже имевшие место или еще предполагаемые в будущем).

См. строгий наказ матери в "Колыбельных песнях" Б.Брехта:

(I2) Deine Mutter, mein Sohn, hat dich nicht betrogen
daB du etwas ganz Besonderes seist
Aber sie hat dich auch nicht mit Kummer aufgezogen
daB du einmal im Stacheldraht hängst und nach
Wasser schreist. (ВВВ, 46).

Две названные актуализации встречаются по преимуществу в речи персонажей. В речи рассказчика коннотации иллюзорного неучастника речи и иллюзорной дистанционности актуализируются большей частью в иных качествах. Эти актуализации второго рода располагаются согласно нарастанию выражаемой в них дистанционности следующим образом.

На первой ступени дистанционности располагается слу-

чай, когда обе названные коннотации актуализируются как
3) объективация и обобщение личного по характеру материала.

(I3) См. рассказ В.Борхерта "Одуванчик". В первых двух его частях рассказчик ведет повествование о самом себе в первом лице, в третьей части - эпилоге - в третьем лице.

Начало первой части: Die Tür ging hinter mir zu [...]
Und nun ist die Tür hinter mir zugeschoben, ja, geschoben ... (WBW, 73).

Начало последней, третьей части:

Was ist so komisch! Ein blasierter, reuiger Jüngling aus dem Zeitalter der Grammophonplatten und Raumforschung steht in der Gefängniszelle 432 [...]

Er ertrug den Raur nicht mehr und schloß die Augen und staunte ... (WBW, 85).

AKK = СК + ШК_{I+...} + КО: (рассказчик повествует о самом себе) + (единые по целенаправленности действия рассказчика, единое качество рассказчика) + (один временной план).

На второй ступени по нарастанию дистанцированности можно расположить актуализацию названных коннотаций как 4) снятие актуальности личного по характеру материала, дистанцирование по отношению к нему.

(I4) См. Ловеллу Г. Манна "Ребенок". Новелла состоит из шести частей-фрагментов: взрослый рассказчик вспоминает о себе самом в детстве. Повествование ведется в основном в первом лице. Транспозиция третье лицо → первое лицо встречается спорадически на всем протяжении повествования. Кроме того, она последовательно используется во втором эпизоде третьей части. Примечательно, что этот эпизод объединяется в составе третьей части с первым эпизодом, написанным от первого лица, под как бы уравнивающим оба эпизода названием "Два хороших урока".

AKK = СК_{I+2} + КО_{I+...}

Ситуативный опорный признак: взрослый рассказчик повествует о себе самом в детстве, т.е. налицо два объективно различных, возрастных качества говорящего.

Композиционные опор.: два дистанцированных временных плана; параллели и противопоставления в построении отдельных частей и эпизодов. См. указанное выше сочетание в третьей части двух контрастирующих в лице эпизодов. Кроме того, в окончании второго эпизода третьей части, где весь рассказ строится на последовательном использовании транспонированного "ex", отсутствует выход в плоскость настоящего, в то же время первый эпизод третьей части и другие части,

написанные в основном от первого лица, выход в плоскость настоящего в конце имеют. Ср., например, концовки:

Часть вторая: So geschieht es jedesmal, wenn irgendein Erfolg sich rächt. (MHN, 433).

Но конец эпизода третьей части: Er fühlte, es sei kindisch, was er getan hatte. Es sei kindisch, sei nutzlos und trage zum Glück nichts bei, besitzen und nicht mitteilen zu wollen (MHN, 438).

В пределах последнего отрывка известную поддержку актуализации коннотаций в качестве снятия актуальности личного по характеру материала, дистанцирования по отношению к нему оказывает также ближайший и непосредственный контекст — конъюнктив с семой "косвенность", использованный для оформления косвенной речи. Ср. с индикативом в косвенной речи: Er fühlte, es ist kindisch, was er getan hatte. Es ist kindisch, ist nutzlos, und trägt zum Glück nichts bei.

Названная актуализация включается в выражение позиции автора в данной новелле: не весь нравственный опыт детства равноценен, одинаково актуален для жизни человека; некоторые положительные уроки, полученные в детстве, оказываются бесполезными в жестокой и часто абсурдной взрослой жизни, здесь им просто нет места, они так и остаются нереализованным кладом, осужденным навсегда оставаться в глубинах памяти, в прошлом. Заголовок третьей части "Два хороших урока" и ее композиция (см. указания выше) выводят это художественное содержание прямо на поверхность: оба нравственных урока хороши, но неодинаково актуальны.

На третьей, высшей ступени по нарастанию дистанцированности располагается актуализация связанных с транспозицией $er \rightarrow ich$ коннотаций в качестве 5) утраты личности (своего "я"), отказа от нее, раздвоения, отчуждения личности.

(15) Und Herr Fischer geht die Straße lang [...]Herr Fischer hat Hunger. Er hält nicht mehr Schritt. [...]Zweimal hat Herr Fischer schon gelegen. Aber Leutnant Fischer kommandiert: Links zwei drei vier vorwärts, Herr Fischer! Weiter, Herr Fischer! Schneidig, Herr Fischer,

kommandiert Leutnant Fischer. Und Herr Fischer marschiert die graue Straße lang (WBW, I49).

AKK = СК + ВК_{I+...} + НЛК_{I+...} + БЛК_{I+...} + ШК_{I+...}: (рассказчик повествует о себе самом) + (различное качество говорящего - "лейтенант Фишер", "господин Фишер", "человек"; различные по целенаправленности действия говорящего - марширует, с одной стороны, и командует, с другой стороны).

Коннотация отчуждения, раздвоения личности включается в выражение одной из граней авторской позиции в данном рассказе: имело война лишает людей личностного начала, человеческого самознания, "отчуждает" их. Путь лирического героя по длинной-длинной улице "к доброму желтому трамваю" - это путь отказа и расчета со своим прошлым ("господин Фишер", "лейтенант Фишер"), возвращения вопреки всему к жизни, путь трудного и постепенного осознания себя человеком среди людей и объединения с ними.

Коннотации, связанные с транспозицией третье лицо → первое лицо, актуализируются постоянно как отчуждение личности также, например, в романе М.Вальзера "Половина игры".

(I6) In meinem laubenblauen Anzug stieg er aus meinem Auto, drückte die Tür, um keinen Krach zu machen, vorsichtig zu ... Ohne im Treppenhaus hochhallendes Klick-Klack kam er hinein, setzte die Sohlen nur auf die Kanten der Stufen, und als er im Flur meiner Wohnung stand ... (WMH, 240).

Опорные признаки: ситуативный контекст (рассказчик повествует о себе самом) и в основном широкий контекст, сообщающий о различных качествах и различных по целенаправленности действиях рассказчика, - о его "мимикрии".

Коннотация отчуждения личности в романе М.Вальзера включена в выражение иной по сравнению с рассказом В.Борхерта - см. пример (I5) - авторской позиции: это - критика антигуманного буржуазного общества, глубоко равнодушного к подлинным человеческим ценностям и оценивающего человека лишь по той или иной навязываемой ему условиям "роли".

Коннотации при транспозиции третье лицо --- первое лицо

актуализируются как отчуждение личности без опоры и независимо от композиционного признака временных планов: в рассказе В. Борхерта один временной план, в романе М. Вальзера — два временных плана. Напротив, актуализации "объективация" и обобщение личного по характеру материала и "снятие актуальности личного по характеру материала, дистанцирование по отношению к нему" опираются на наличие в произведении соответственно одного и двух временных планов.

В транспозициях третье лицо — второе лицо одновременно с личными местоимениями участвуют также существительные-антецеденты в индивидуализированном употреблении.

Возможные актуализации иллюзорных неучастника речи и дистанцированности располагаются по нарастанию дистанцированности по отношению к собеседнику:

1) ласковая, бережная или шутливо-ласковая дистанцированность.

АКК = СК₁₊₂₊₃ + ВК или НЛК или БЛК: (описываемое положение дел соотносимо только с наличным адресатом, а не с каким-то "третьим" лицом; собеседники близки, знакомы; говорящий относительно равноправен с адресатом или занимает более высокий "ранг", — часто это взрослый, обращающийся к ребенку или более молодому человеку) + (ласкательность, уменьшительность).

(17) Der Konsul lächelte wieder. "Das hast du schon einmal gesagt, Tony, und es zeigt so recht deine kindliche Ratlosigkeit. Mein Töchterchen muB durchaus nicht glauben, daß ich es drängen und quälen will ... " (МТВ, 98).

2) осуждение.

(18) Entrüstet verlieB sie ihren Sitz. "Ein zu fauler Junge! Der alte Herr schlägt in die Tasten. Die berühmte Alice brüllt wie sie kann. Er dagegen schlafen, essen, hübsche Mädchen auf dem Knie und kein Büro". (МНБ, 32).

АКК = СК₁₊₂ + (СК_{1+...})_{фак.} + НЛК_{1+...} + (БЛК_{1+...})_{фак.}: описываемое положение дел соотносимо только с наличным адресатом, и оно предполагает отрицательную оценку со сторо-

ны говорящего) + (отрицательная оценка - ein zu fauler Junge, сравнение-противопоставление: другие работают, только адресат лентяйничает). Факультативные признаки ситуативного контекста - мимика, жестикация, телодвижения, выражающие отрицательное отношение говорящего к собеседнику, в данном примере - вскакивание девушки с колен собеседника.

Переводя своего непосредственного собеседника на положение неучастника речи, говорящий как бы освобождает место адресата речи для других, воображаемых (иногда и реальных) лиц, с которыми он делится своим возмущением. Об этом свидетельствуют реплики, часто предваряющие транспозицию третье лицо → второе лицо. В немецком языке:

(19) Hört nur, er nimmt den Kommandanten noch in Schutz! (ABN, 458).

В русском языке: (Вы только) послушайте, он ... (Вы только посмотрите, он ... (Вы только) взгляните на него ... (Вы только) подумайте, он ...

3) осторожность, вежливость.

(20) Der Anarchist setzt sich wieder, dann werden wir die Sache alleine schmeißen: "Also er ist nicht Genosse, und Kollege ist er auch nicht. Denn er arbeitet ja nicht. Stempeln scheint er auch nicht zu gehen.

Verhärtet sich Franzens Gesicht, seine Augen blicken rasend: "Nee, det tut er nicht". - "Dann ist er nicht mein Genosse und nicht mein Kollege und auch kein Erwerbsloser. Dann frag ich bloß, und alles andere geht mir nichts an: "Wat sucht er hier?" Hat Franz sein entschlossenstes Gesicht: "Darauf hab ich bloß gelaurt, det du sagst und fragst: wat willst du hier."
(DAB, 301).

Местомменная метафора, употребленная собеседником Франца, изображает известную осторожность первого: в самом важном и переломном моменте разговора он избегает прямого обращения к Францу.

АКК = СК₁₊₂₊₃: (описываемое положение дел соотносимо только с наличием адресатом; собеседники недостаточно

близки, знакомы; высказывания - особенно вопросы - говорящего могут быть неприятны адресату или могут показаться ему нескромными).

4) официальная и социальная почтительность - наиболее высокая степень дистанцированности по отношению к адресату.

АКК = СК_{I+2} + ВПО: (описываемое положение дел соотносимо только с наличным адресатом; адресат занимает более высокий должностной и социальный ранг, чем говорящий) + (один из устаревающих признаков стиля официально-деловой речи или один из признаков устаревшей социальной нормы общения).

(21) "Wissen Herr Konsul das Neueste?" rief er eifrig und mit ernstem Augen seinem Gönner entgegen (MTB, 175).

Личное местоимение "es" вслед за своими antecedентами участвует в транспозиции ср.род → муж./женск.род. И коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят сема "средний род" и связанные с ней четыре потенциальные коннотации бесполости, безинициативности, отрицательной оценки и обобщенности. Названные коннотативные элементы - за исключением обобщенности - актуализируются совместно в качестве деградированности личности.

(22) Herr Ballerstedt hatte das Zimmer verlassen, statt seiner stand jetzt am Katheder, ganz gerade und stramm, ein kleines, schwaches und ausgemergeltes Männchen mit dünnem, weißem Bart, dessen rotes Hälschen aus einem engen Klappkragen hervorragte, und das mit dem einen seiner weißbehaarten Händchen seinen Zylinder, die Öffnung nach oben, vor sich hinhielt. Es führte bei den Schülern den Namen "Spinne" und hieß in Wirklichkeit Professor Hückopp. Da ihm während dieser Pause auf dem Korridor die Aufsicht zuerteilt war, hatte es ... auch in den Klassenzimmern nach dem Rechten zu sehen ... "Die Lampen aus! Die Vorhänge auf! Die Fenster auf!" sagte es, indem es seinem Stimmchen so viel Kommandokraft wie möglich gab und mit unbeholfen energischer Geste seinen Arm in der Luft bewegte, als drehe es eine Kurbel ... (MTB, 683).

Коннотация обобщенности, потенциально связанная с семой "средний род", в данном примере не реализуется, этому препятствует контекст, в котором дан единичный и конкретизированный в подробном описании объект.

АКК = СК_{I+2} + НЛК_{I+...} + (БЛК_{I+...})_{фак.}: (объект речи - взрослый человек мужского пола) + (средства выражения крайней ничтожности объекта речи; средства выражения механистичности, кукольности, солдатского автоматизма в облике и поведении персонажа, которые поддерживают коннотацию безинициативности, инактивности, связанную с семой "средний род": stand, ganz gerade und stramm; die Lampen aus! die Vorhänge auf! die Fenster auf!; mit unbeholfen energischer Geste seinen Arm in der Luft bewegte, als drehe es eine Kurbel).

Большое количество опор лингвистического контекста в примере (22) обогащает и конкретизирует, а также усиливает создаваемую транспозицией образность; при меньшем количестве опор стилистический эффект транспозиции был бы беднее и слабее.

4. Транспозиции, относительно общие для местоимений всех трех лиц.

Здесь группируются метафоры, основанные на транспозиции личных местоимений в семах антропонимичности и неантропонимичности. (См. подробнее о персонификации и деперсонификации у А.Исаакяна [5]). Данные транспозиции можно назвать только относительно общими, так как участие в них каждого из трех местоименных лиц неодинаково и имеет свою специфику. Последняя обусловлена тем, что местоимения первого и второго лица обладают только семой антропонимичности и отражают ситуацию непосредственного речевого контакта. В отличие от них местоимения третьего лица располагают двумя семами: антропонимичности или неантропонимичности; ситуации непосредственного речевого контакта они не отражают; метафоричность местоимений третьего лица в этих семах вторична по отношению к метафоричности их antecedентов (большая часть существительных).

Возможны транспозиции двух направлений: антроп. — не-антроп. и неантрсл. → антроп. Очевидно, что в первой транспозиции могут участвовать местоимения всех трех лиц, а во второй транспозиции — только местоимения третьего лица.

При транспозиции антроп. → неантроп. на коннотативный уровень с характеристикой иллюзорности переходят сема "антропонимичность" и потенциально связанные с ней коннотации инициативности, активности и положительной оценки.

Возможны два вида актуализаций.

Вид первый: участвуют местоимения только первого и второго лица.

Иллюзорные антропонимичность и инициативность, активность актуализируются совместно как I) персонализация речевого характера.

Коннотативный элемент положительной оценки реализуется, если имеется соответствующая поддержка контекста, актуализуясь либо в общем виде, либо в более конкретных качествах уважения, любви и др. При отсутствии опор контекста коннотация положительной оценки не реализуется, и высказывание носит нейтральный характер.

АКК = СК + ВК + НЛК_{I+...} + (БЛК_{I+...})_{фак.} + (ШК_{I+...})_{фак.} : (неантропонимичный денотат местоимения) + (одна из сем, отражающих ситуацию непосредственного речевого контакта — "автор речи" или "адресат речи") + (лингвистические средства выражения антропонимичности, активности и положительной оценки, в том числе и факультативного контекста).

Например, обращение к неодушевленному объекту как адресату речи в стихотворении П. Винса "Похвала искусству танца":

(23) Deine sprache ist sinnlich:

aus fleisch, aus blut.

Nichts natürliches ist dir fremd,

bekannt sind dir alle sitten.

Mit tugend zierst du die trieme. (WPV, 43).

Второй вид актуализации коннотативного плана транспози-

ции антроп. → неантроп.: участвуют местоимения всех трех лиц.

Иллюзорные антропонимичность и инициативность, активность актуализируются совместно как 2) выход за пределы конкретно-личного, расширение сфер человеческого бытия.

Коннотативный элемент положительной оценки реализуется в случае наличия соответствующих контекстуальных опор.

$AKK = SK + NJK_{I+...} + (BJK_{I+...})_{фак.} + (JK_{I+...})_{фак.}$:
(антропонимичный денотат) + (лингвистические средства выражения неантропонимичности и положительной оценки, в том числе и факультативного контекста).

Поэт обращается к своему лирическому герою-женщине:

(24) Da ging ein RiB durch deine reifen Kreise
und ging ein Schrein
und riB die Stimmen fort,
die eben erst sich sammelten
um dich zu sagen,
um dich zu tragen
alles Abgrunds Brücke - (RG, 37-38).

При транспозиции неантроп. → антроп. на коннотативный уровень переходят сема "неантропонимичность" и потенциально связанные с ней коннотации безинициативности, инактивности и отрицательной оценки. Первые два элемента коннотативного уровня транспозиции актуализируются в общем виде как иллюзорные неантропонимичность и инактивность, безинициативность.

(25) Der September also. Er macht die Straßen wieder hart. Die Überwachsenen Kurven säubert er. Gibt den Blick über die Felder frei, ... Frauen reibt er trocken, streichelt er glatt, bestätigt ihre Frisuren, wenn nötig durch Korrektur. Souffliert ihnen, wie er, immer neunundzwanzig zu sein. SchlieBlich lügt er so gern wie der April, aber mit Lippen, fein von Erfahrung. (WMH, 442).

Участвуют местоимения только третьего лица.

$AKK = SK + NJK_{I+...} + (BJK_{I+...})_{фак.} + (JK_{I+...})_{фак.}$:
(неантропонимичный денотат) + (лингвистические средства

выражения антропонимичности, в том числе и факультативного контекста).

Из расшифровки формулы актуализирующего контекстного комплекса видно, что в лингвистическом контексте отсутствуют средства, специально поддерживающие элементы коннотативного уровня - иллюзорную неантропонимичность и иллюзорную инактивность, безинициативность, поэтому обе последние и актуализируются в общем виде.

Реализации коннотации отрицательной оценки в данном случае препятствует контекст, содержащий средства выражения положительной оценки.

Выявленные актуализации коннотативного уровня местоименных транспозиций представляется возможным разграничить на специфически художественные и такие, которые реализуются также и в не художественной речи. К первым относятся, например: включенность в я поэта многих других я; выход за пределы сферы конкретно-личного, возвышение над ней; активизация чувств и мыслей говорящего; предельная открытость говорящего; объективация и обобщение личного по характеру материала; снятие актуальности личного по характеру материала, дистанцирование по отношению к нему; утрата личности, раздвоение, отчуждение личности; расширение сфер человеческого бытия.

При этом одна и та же местоименная транспозиция может приобретать в зависимости от контекста как специфически художественные актуализации своего коннотативного уровня, так и не специфические.

Для всех актуализаций релевантен ситуативный контекст.

Кроме того, для актуализаций не специфически художественного характера релевантен в основном непосредственный и ближайший лингвистический контекст: АКК = СК + НЛК + БЛК. Контекстный комплекс специфически художественных актуализаций коннотативного уровня местоименных транспозиций характеризуется, как правило, взаимодействием уже названных контекстных опор с опорами широкого контекста и композиционными опорами: АКК = СК + НЛК + БЛК + ИК + КО.

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963, 206 с.
2. Амосова Н.Н. Слово и контекст. — Ученые записки Ленинградского ун-та им. А.А.Жданова. Серия филологических наук. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1958, вып. 42, № 243, с.3-24.
3. Балин Б. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, 432 с.
4. Вольперт Р. Коннотативный уровень описания грамматики (на материале немецкого художественного текста). Рига, 1979.
5. Исаакян А.Р. Грамматические средства персонификации и деперсонификации в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1978, 24 с.
6. Киселева Р.А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1970. 20с.
7. Куликова И. С. Сочетание слов как минимальный контекст лексического значения слова. — В кн.: Языковые единицы и контекст. Л., 1973, с.33-48.
8. Ларин Б.А. О лирике как разновидности художественной речи. — В кн.: Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974, с.54-105.
9. Лейкина Б.М. Идентифицирующая и актуализирующая функции контекста при речевосприятии. — В кн.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. I, с.9-19.
10. Лейкина Б.М. К вопросу о грамматическом контексте. — В кн.: Вопросы синтаксиса романо-германских языков. Л., 1961, с.35-53.
11. Лейкина Б.М. Средства грамматического контекста. — Ученые записки Ленинградского ун-та им. А.А.Жданова. Серия филологических наук. Проблемы языкознания, 1961, вып.60, № 301, с.125-140.
12. Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст. — Вопросы языкознания, 1976, № 2, с.86-94.
13. Обнорская М.Е. К проблеме нормы в языке и стиле. — В

- кв.: Стиль и контекст. Л., 1972, с.46-56.
14. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965, 355 с.
15. Филиппов В.Н. Комплексное исследование компонентов микроконтекста и установление их релевантности при декодировании значения слова. - В кн.: Исследования по романогерманскому языкознанию. Волгоград, 1976, вып.6, с.125-137.
16. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора. - Филологические науки, 1972, № 3, с.48-58.
17. Levin S. Internal and External Deviation in Poetry. - Word, 1965, vol. 21, N 2, p.
18. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 1971, 383 S.
19. Naidow B. Stilistische Transposition der Personalpronomen als ein Mittel der Wertung im schönggeistigen Text. - Вестник Київського університету. Серія іноземної філології, 1975, № 9, с.101-102.
20. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau, 1975, 315 S.
21. Riffaterre M. Criteria for Style Analysis. - Word, 1959, vol.15, N 1, p.154-173.
22. Riffaterre M. Stylistic Context. - Word, 1960, vol.16, N 2, p.207-216.
- ABN - Apitz B. Nackt unter Wölfen. Halle/Saale, 1958.
- BBV - Brecht B. Vorwärts und nicht vergessen... Ausgewählte Werke. Moskau, 1976.
- DAB - Döblin A. Berlin Alexanderplatz. Leipzig, 1977.
- MHE - Mann H. Empfang bei der Welt. Berlin u. Weimar, 1967.
- MHN - Mann H. Novellen. Leipzig, 1974.
- MTB - Mann Th. Buddenbrooks. Moskau, 1956.
- MTL - Mann Th. Lotte in Weimar. Berlin u. Weimar, 1973.
- MPZ - Mann Th. Der Zauberberg. Berlin, 1962.
- RG - Rilke R.M. Gedichte. Leipzig, 1975.
- WMH - Walser M. Halbzeit. München u. Zürich, 1964.
- WPV - Wiens P. Vier Linien aus meiner Hand. Leipzig, 1972.
- WBW - Wolfgang Borcherts Werke. Moskau, 1970.

Е. Н. Айзбальт
Рижский политехни-
ческий институт

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА
ЭЛЕМЕНТОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО КЛАССА А В ОДНОТИПНЫХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЯХ

Словообразование как самостоятельная подсистема языка тесно связано с процессами морфологического, лексического и синтаксического уровня. Разветвленность словообразовательной проблематики продолжает оставаться в центре внимания лингвистов /1/.

Более частным вопросом является рассмотрение синтагматических и парадигматических связей в деривационной семантике аффиксальных производных /2, 3, 4/.

Настоящая работа посвящена одному из частных вопросов деривационной семантики, а именно влиянию суффикса сравнительной степени *-er* функционального класса A^+ на реализацию вариантов значения $B3^2$ исходного звена — положительной

I В корпусе работы нами используется для записи конфигураций на синтаксическом уровне следующая символика:

v — глагол /безотносительно к форме и принадлежности к логико-семантической группе/;

A — прилагательные и наречия. Вслед за И.Эрбеном мы объединяем прилагательные и наречия в один класс. Этот объединенный класс называется им "das charakterisierende Beiwort" (Adjektiv-Adverb) /5, с. 103/.

2 При помощи сопоставления данных словарей был выделен следующий набор вариантов значения $B3$:

$B3-I$ — сильный по физическому состоянию, действию, энергии (starker Mensch, starke Maschine = kräftig);

степени stark в синтаксических конфигурациях^I $\bar{A}(Vsein)$ и $\bar{A}(Vwerden)$.

Определяется семантическая валентность /6, с.236/ или лексический контекст \bar{A} , т.е. сочетание \bar{A} с определенными лексико-семантическими группами слов - ЛСТ²:

- V3-2 - сильный по морально-психическим качествам (starker Glaube, starker Wille = standhaft, fest);
- V3-3 - сильный по убедительности, значительности, влиянию (starker Einfluß, starker Ausdruck = bedeutend);
- V3-4 - сильный по степени качества, интенсивности, насыщенности, концентрации (starke Lösung, starker Regen = gehaltvoll, intensiv);
- V3-5 - сильный по численности, количеству, экономической и политической мощи (starke Partisanenkräfte, starker Staat = zahlreich, mächtig);
- V3-6 - сильный по осведомленности, таланту, знаниям, навыку, уму (starker Mathematiker, starker Schachspieler = begabt, tüchtig);
- V3-7 - большой по толщине, диаметру, величине (starke Figur, 200 Seiten starkes Buch = dick, von großem Durchmesser).

I Под конфигурацией понимается связь \bar{A} с зависимым от него или доминирующим над ним элементом.

2 На основе семантического анализа исследуемых конфигураций и сопоставления данных словарей условно были выделены следующие ЛСТ:

- 1 (hum) - обозначения лиц;
- 2 (part) - части, органы тела;
- 3 (nat) - явления природы, естественный и искусственный свет;
- 4 (hum) - различные формы объединения людей, государства, страны;
- 5 (+anim) - животные, растения;
- 6 (-anim) - неодушевленные предметы в широком смысле, - подгруппы: (-anim)₁ - предметы в узком смысле; (-anim)₂ - вещества, напитки, лекарства;
- 7 (stat) - /воспринимаемые как статические/ состояния, /например, болезни/, свойства, качества;
- 8 (dyn) - /воспринимаемые как динамические/ действия, процессы, целенаправленная и нецеленаправленная деятельность;
- 9 (relat) - отношения.

Для более четкого изложения целесообразным представляется описание \bar{A} stärker (V sein) и \bar{A} stärker (V werden) с последующим сравнением данных конфигураций между собой.

A (stärker) в конфигурации \bar{A} (V sein).

Как и при всех случаях смещенной валентности, мы рассматриваем семантическую принадлежность существительного, полученного из дистрибутивной формулы, ориентированной в отношении \bar{A} (stärker) фразы: (N n V sein stärker).

При исследовании материала, полученного на основе сплошной выборки прочтений немецкой художественной литературы и публицистики XX века общим объемом в 626 печатных листов, было установлено следующее соотношение внутри лексико-семантических групп существительных или их заменителей:

I (hum) - 43%	II (part) - 5,7%
VII (stat) - 21,5%	IX (relat) - 4,3%
VIII (dyn) - 15,6%	III (mat) - 4,3%
VI (-anim) - 2,8%	
I ^v (hum) _{col} - 1,4%	
V (-anim) - 1,4%	

Как видно из количественного расположения, можно, очевидно, говорить о трех основных в количественном отношении подгруппах, функционирующих с A stärker.

Имена существительные ЛСГ - I (hum) составляют наиболее частотную группу при \bar{A} (V sein).

Основная доля среди описываемой лексико-семантической группы приходится на обозначения лиц типа das Weib, der Kerl и т.д. и заменяющие их местоимением, в значительно меньшей мере - на имена собственные и обозначения профессии, рода занятий, социального и национального происхождения.

Ä(stärker) отмечено в данной дистрибутивной формуле в следующих значениях:

1) ВЗ-1, т.е. "физически сильный", например:

... das Weib war stärker, riß ihr das Perlenhalsband ab und dabei das halbe Kleid ... /7, стр.134/.

Ich schätzte in der Sekunde meine Chancen ab. Es war nichts zu machen. Der Kerl war stärker als ich. /8, S.266/.

2) ВЗ-2, т.е. "морально сильный", например:

Der Haß hatte seine kindische Kraft gestählt, er, der Unwissende, war stärker als sie beide, denen das Geheimnis die Hände band. /7, S.79/.

... von der ersten Sekunde spürte ich's, daß diese Frau stärker war als ich ... daß sie mich in ihren Willen zwingen konnte ... /7, S.184/.

3) ВЗ-5, т.е. "сильный по своей мощи, численности", например:

Beetz behauptete, der Feind in der letzten Nacht sei keinesfalls stärker als zehn Mann gewesen. /9, S.536/.

Как с положительной степенью (stark), так и со сравнительной степенью (stärker) в некоторых случаях ВЗ-1 и ВЗ-2 тесно связаны, в результате чего возникают трудности при определении реализации варианта значения, например:

Wieviel man erreichen kann, wenn man jemanden belehrt, daß man stärker ist! /10, S.247/.

Die Musik kam wieder, der letzte Satz. Der Mensch erhebt sich; was ist stärker als der Mensch? /11, S.164/.

Was ist denn das Schicksal? Wirs ist stärker als ich. Wenn wir zwei sind, ist es schon schwerer, stärker zu sein als ich. /12, S.496/.

В группу наиболее частотных существительных входят существительные, которые относятся к ЛСГ-7 (stat). Большинство из них выражает в данной конфигурации чувства, эмоции человека типа: die Angst, die Liebe, die Sucht,

die Neigung. Значительно реже представлены физические свойства, состояния.

Существительные, на которые распространяется совмещенная валентность глагола-связки (sein) имеют следующие значения:

1) ВЗ-4 -- "сильную степень качества", например:

Die Liebe ist stärker als alles auf der Welt, unaustilgbar, ewig. /13, S.362/.

Die sonderbare Furcht, die mich vorhin ergriffen hatte, kam wieder, und sie war jetzt noch stärker. /14, S.231/.

"Ja, diese Anfälle von Angst und Trauer, diese Angst, die stärker ist als unser Wille ... /15, S.56/.

В отличие от ЛСГ-7 (stat), существительные ЛСГ-8 (dyn), занимающие по своей распространенности третье место, выражают в основном физические понятия, т.е. конкретные действия или их результат (das Lächeln, der Ruck, des Zuges).

Ä(stärker) реализует с ними значение "сильной степени качества", т.е. ВЗ-4, а также ВЗ-3 - "сильный по своему влиянию, убедительности", например:

Der Applaus war jetzt stärker /16, S.655/.

Das kaum merkbare Lächeln um die Lippen ist stärker als sonst. /17, S.112/.

Aber ich werde ihnen jetzt das Wort zurufen, das stärker ist als Hölle und Finsternis. /16, S.598/.

Далее мы останавливаемся на описании второй по частотности группы - ЛСГ-2, ЛСГ-9, ЛСГ-3.

ЛСГ-2 (part), включающая обозначения частей и органов тела, вызывает, как правило, реализацию первого варианта значения, т.е. "физически сильный", например:

War das Herz stärker als der Verstand? /18, S.124/.

Возможно, однако, и значение "сильный по своей убедительности, влиянию", т.е. ВЗ-3, например:

Der Wissenschaft Stimme ist stärker als die Staatsraison. /19, S.372/.

Одинаковый процент распространенности (4,3%) имеют ЛСГ-3 (nat) и ЛСГ-9 (relat), обозначающие соответственно явления природы и отношения.

С ЛСГ-3 (nat) в данной конфигурации Ā(stärker) обладает исключительно четвертым вариантом значения, ВЗ-4, "сильный по степени качества, интенсивности", например:

Wieder sprüht ein Funken, und noch einer; aber selbst wenn tausend Menschen eine fleischerne Mauer bilieten: Der Eissternsturm ist stärker!

ЛСГ-9 (relat) зафиксированы с Ā(stärker) в значении "сильный по своему влиянию", т.е. ВЗ-3.

Данные существительные выражают локальные отношения или отношения временные, например:

"Ich habe mir einmal gedacht, daß die Nähe einer geliebten, liebenden Frau noch stärker sein könne als die Luft und die Sonne Italiens und selbst als der ..." /16, S.128/.

Третья подгруппа включает в себя наименее частотные существительные трех ЛСГ. Это ЛСГ-6 (-anim), ЛСГ-4 (hum)_{col} и ЛСГ-5 (↓anim) (от 2,8% до 1,4%).

ЛСГ-6 (-anim), представляющая собой конкретные предметы, реализует в данной конфигурации компонент значения ВЗ-3, "сильный по своему влиянию", например:

... er hatte doch einige Dinge mitgenommen, deren Hilfe er brauchte. Sie bildeten eine Beziehung zu der alten, ihm vertrauten Umgebung und würden vielleicht stärker sein als das Fremde, das ihn sonst ablenken, stören könnte. /16, S.380/.

Существительные ЛСГ-4 (hum)_{col} как и в остальных конфигурациях реализуют значение "сильный по своей численности,

мощный в экономическом и политическом отношении", т.е. ВЗ-5, например:

Er hielt sich ... für den Angehörigen eines Volkes, das stärker ist als die anderen Völker ... /20, S.60/.

Такой же незначительный процент, как и ЛСГ-4 (hum)_{col}, занимает ЛСГ-5 (†anim); включающая существительные, обозначающие животные и растения.

В данной конфигурации ($N V_{\text{sein}} \bar{A}(\text{stärker})$) интенция \bar{N} приводит к реализации первого компонента значения, ВЗ-1, "физически сильный", например:

... sie /Menschen/ waren Tieren ähnlich, die auf verborgenen Wegen zur Tränke schleichen, aus Furcht vor andern Tieren, die stärker sind. /21, S.226/.

$\bar{A}(\text{stärker})$ в конфигурации $\bar{A}(V \text{ werden})$.

По сравнению с другими глаголами в зависимости stärker от (V) на глагол-связку werden приходится меньше, чем на sein на II%, и доля в конфигурации $\bar{A}(V)$ составляет 18%.

Интересно отметить то обстоятельство, что $\bar{A}(\text{stärker})$ в положении, зависимом от V_{sein} , встретилось со всеми девятью лексико-семантическими группами существительных. С глаголом V werden в результате количественного спада, $\bar{A}(\text{stärker})$ зафиксировано только с пятью ЛСГ (как и $\bar{A}(\text{stark})$ с V werden).

Внутри лексико-семантических групп наблюдается такое соотношение:

ЛСГ-8 (dyn)	- 34,1%
ЛСГ-7 (stat)	- 25%
ЛСГ-3 (nat)	- 25%
ЛСГ-1 (hum)	- 13,6%
ЛСГ-4 (hum) _{col}	- 2,3%

○
ЛСГ-8 (dyn), занимающая более трети всех существитель-

ных, разнообразна по своему составу, т.к. включает в равной мере физические действия, умственную деятельность и их результат.

С данными существительными Ä(stärker) имеет значение "сильной степени качества", ВЗ-4, например:

"Ihr Widerstand wurde stärker ..." /13, S.106/.

... über sein sonst trübes Gesicht zieht ein Lächeln ..., und es wird immer stärker, bis er in schallendes Gelächter ausbricht. /17, S.291/.

Das Zirpen der Grillen, die Stimmen der Tiere waren stärker geworden.

ЛСГ-7 (stat) в описываемой конфигурации включает как свойства, состояния физического, так и психического характера.

Независимо, однако, от него все Ä(stärker) с данными существительными обладают значением ВЗ-4, т.е. "сильной степени качества", например:

Immer stärker wurde das Übelkeitsgefühl, immer höher klonn es in die Kehle. /7, S.118/.

Und die Rührseligkeit wird immer stärker, je weniger man weinen kann. /22, S.149/.

Und die Angst wird stärker in ihm, er hat doch geschworen, er will nichts aussagen. /23, S.181/.

Существительные, обозначающие явления природы - ЛСГ-3 (nat) -, занимают, как и предыдущая лексико-семантическая группа, 25% из общего числа N в конфигурации Ä(V werden).

Ä(stärker) указывает во всех случаях, как и при ЛСГ-7 (stat) и - частично - при ЛСГ-8 (dyn), на "сильную степень качества", т.е. ВЗ-4, например:

Draußen war das Wehn vom Meer her stärker geworden. /9, S.561/.

Und der Sturm wird stärker. /22, S.30/.

На ЛСГ-1 (hum) приходится 13,6%. В данной конфигурации

представлены все подгруппы как обозначения лиц, в том числе через местоимения, имена, обозначения профессий.

Как видно из примеров, в выборке зафиксированы следующие значения Ä(stärker), зависящие от глагола-связки werden:

1) "физически сильный", ВЗ-1:

... Franz wird von Tag zu Tag geschickter und stärker im linken Arm. /12, S.287/.

2) "морально сильный", ВЗ-2:

Du mußt nicht nur stärker als der Vetter sein. Du mußt auch stärker als du selbst werden. /13, S.426/.

3) "сильный по своей численности, экономической и политической мощи", ВЗ-5:

Aber sie sind aufgestanden und haben uns geschlagen, und haben uns vor sich her getrieben, dreitausend Kilometer weit, und sind immer stärker geworden, immer stärker und jetzt sind sie über die Oder. /13, S.474/.

Denn dieser Doktor Schädel, den man jetzt noch nicht erledigen kann, der bleibt! Der wird stärker! /17, S.459/.

Как видно из последнего примера, ВЗ-5 может реализоваться существительным, обозначающим одно лицо (не только словарными единицами типа: Volk, Bataillon). В особенности, когда имеет место перенос на коллектив, т.е. "такие, как доктор Шедель" остаются, становятся сильнее (могущественнее).

С наименьшей частотностью отмечены существительные ЛСГ-4 (hum)_{col} - 2,3%.

Как и в других конфигурациях, данная лексико-семантическая группа реализует, в зависимости Ä(stärker) V werden ВЗ-5, т.е. "мощный, могущественный", например:

Die Berliner und rheinische Konkurrenz verbündete sich zu dieser Zeit mit dem Ziel des Monopols und versuchte, die kleinen und mittleren Unternehmen aufzusaugen oder zu ruinieren, um für die Auslandskonkurrenz stärker werden zu können. /11, S.29/.

Для сравнения реализации ВЗ составляем сводную таблицу семантико-синтаксического поля исследуемых конфигураций.

Ā stärker (V _{sein})					A stärker (V _{werden})				
		ВЗ	Итого				ВЗ	Итого	
ЛСГ-1	- I 2 . . 5	3	ВЗ	ЛСГ-1	- I 2 . . 5	3	ВЗ		
ЛСГ-2	- I . 3 . . 2			-					
ЛСГ-3	- . . . 4 . I			ЛСГ-3	- . . . 4 . I				
ЛСГ-4	- 5 I			ЛСГ-4	- 5 I				
ЛСГ-5	- I I			-					
ЛСГ-6	- . . 3 . . I			-					
ЛСГ-7	- . . . 4 . I			ЛСГ-7	- . . . 4 . I				
ЛСГ-8	- . . 3 4 . 2			ЛСГ-8	- . . . 4 . I				
ЛСГ-9	- . . 3 . . I			-					
Всего: 13 ВЗ					Всего: 7 ВЗ				

Таблица наглядно отражает различие в семантико-синтаксическом поле описываемых конфигураций.

Ā stärker (V_{sein}) встречается с полным набором выделенных лексико-семантических групп, реализуя при этом 13 вариантов значения.

Круг ЛСГ, отмеченных при Ā(V_{werden}), значительно уже (5 ЛСГ), одновременно почти на 50% снижается число реализованных ВЗ.

Обобщая полученные результаты анализа, можно сделать вывод о том, что реализация потенциально заложенных в степени сравнения A(stärker) ВЗ зависит от конкретной наполняемости конфигурации Ā(V), в данном случае от глаголов (V_{sein}) или V_{werden}.

V_{sein} по сравнению с V_{werden} является не только более частотным, но и более значимым в семантическом плане.

Литература

1. Земская Е.А., Кубрякова Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с XII Международным конгрессом лингвистов). - ВЯ, 1978, № 6, с.112-123.
2. Улуханов И.С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов) - В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с.166-177.
3. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1975.
4. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
5. Егбел, J. Abriß der deutschen Grammatik. В., 1958.
6. Schmidt, W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Berlin, 1963.

Цитируемые источники

7. Zweig, Stefan. Novellen. Moskau, 1959.
8. Remarque, Erich Marie. Drei Kameraden. Moskau, 1963.
9. Strittmatter, Erwin. Der Wundertäter. Moskau, 1962.
10. Steinberg, Werner. Als die Uhren stehenblieben. Halle (Saale), 1957.
11. Brežnev, Jur'j. Eine Liebesgeschichte. Berlin, 1965.
12. Döblin, Alfred. Berlin, Alexanderplatz. 2.Aufl., Berlin, 1965.
13. Noll, Dieter. Die Abenteuer des Werner Holt. I Berlin, 1963.
14. Deutsche Stimmen 1956. Neue Prosa und Lyrik aus Ost und West.
15. Seghers, Anna. Die Gefährten. Moskau, 1955.

16. A m e n d a, Alfred. Appasionata. Verlag der Nation, 1965.
17. S t e i n b e r g, Werner. Hinter dem Weltende. Verlag der Nation, 1962.
18. A p i t z, Bruno. Nackt unter Wölfen. Halle (Saale), 1958.
19. Die Frau des Arztes. Erzählungen. Buchverlag "DER Mongen", 1964.
20. S e g h e r s, Anna. Der Ausflug der toten Mädchen. Berlin, 1962.
21. Deutsche Erzähler des XX Jahrhunderts. Band I, Berlin, 1957.
22. N a c h b a r, Herbert. Der Mond hat einen Hof. Berlin, 1962.
23. F a l l a d a, Hans. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 1956.

ПРОБЛЕМА ЖАНРОВЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ
В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Лирический цикл как жанровое новообразование, характерное для русской поэзии конца XIX — начала XX вв., привлекает все большее внимание современных исследователей. Интерес к нему вызван все еще недостаточной изученностью этого явления в литературе. Хотя появление стихотворной циклизации замечено в поэтических сборниках начала XIX столетия, а ее оформленные, "эталонные" образцы сложились на рубеже минувшего и нынешнего веков, специальных исследований по проблемам цикла в советском литературоведении до последнего времени велось мало.

Сейчас появилось несколько работ, в которых рассматриваются не только отдельные принципы циклового построения текстов, но и делаются попытки определить жанровую структуру лирического цикла, занимающего промежуточное положение между тематической подборкой стихотворений и лирической поэмой, выявить его качественные и типологические особенности¹. Именно проникновение в смысловую конструкцию циклов, построенных автором по жанровому, тематическому, идейному принципу или объединенных общностью персонажей, где важно все, начиная с названия и эпиграфа, и включая названия стихотворений в циклах и циклов в книге, позволяет глубоко раскрыть замысел той или иной книги поэта, как целостного произведения.

¹ Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974.
Громов П. П. А. А. Блок. Его предшественники и современники. М.-Л., 1966.
Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца 19-20 вв. Л., 1964.
Долгополов Л. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX вв. Л., 1977.
Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии конца 20-30 гг. В кн.: Очерки творчества Пушкина. Л., 1976.
Ляпина Л. Е. Лирический цикл в русской поэзии 1840-1860 гг. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1976.
Сапогов В. А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока. В кн.: Русская литература XX в. (дооктябрьский период). Калуга, 1968.

В ряде трудов (В.Сапогов, Л.Ляпина) рассматривается специфика построения поэтических сборников в начале XIX века, прослеживаются этапы развития циклизации в русской поэзии.

Если в первой трети прошлого столетия господствующим являлось распределение стихотворений по формальному жанровому признаку, то затем все отчетливее проявляется стремление сгруппировать стихотворения в сборнике по внутренним, идейно-тематическим принципам. Ломка жанровой рационалистической системы сказывается и на расположении в книгах стихотворных разделов, которое следовало жанровой иерархии. Как отмечает в своей диссертации Л.Ляпина, "существенен был лишь самый жанрово-стилистический контекст, априори определенный для каждой разновидности"¹.

Освобождение от жанровых ограничений становится очевидным в пушкинскую эпоху. В статье "Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-30 годов" Н.В.Измайлов констатирует следующее: "С половины 20-х годов отход Пушкина от установленных лирических жанров как основы классификации требовал создания иной системы расположения и преподнесения читателю всей его новой лирической поэзии. Отказ от жанрового распределения был подчеркнут в двух частях "Стихотворений А.Пушкина, изданных в 1829 г., почти механически проведенных хронологическим расположением стихотворений по годам, от 1815 до начала 1829 г., с выделением некоторых, по преимуществу мелких, вещей в отдел "Разные годы". Внутри каждого года материал расположен без соблюдения хронологии ... Но, помимо хронологического распределения по годам ... в сборниках 1829 г. проведена, хотя и непоследовательно, другая система, основанная на идейно-тематическом значении важнейших, определяющих и опорных произведений,

¹ Ляпина Л.Е. Лирический цикл в русской поэзии 1840 - 1860 гг. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1976, с.32.

выделенных почти в каждом году"¹. Продолжая мысль, Н.Измайлов далее пишет, что в пушкинских сборниках и публикациях 30-х годов можно проследить "определенные идейно-тематические, а вместе с тем (хотя и не всегда) формально художественные единства, составляющие более или менее оформленные "циклы" (если понимать этот термин в его широком смысле)"².

"Конечно, Пушкин не мог еще создать лирические циклы в нашем понимании, - замечает Л.Е.Ляпина, - но его творчество знаменательно тем, что в нем, освобождаясь от нормативов рационалистической поэтики, проявились начала той новой тенденции, которая позже, развившись, определила творчество нескольких поколений русских поэтов XIX века"³. На основе сопоставительного анализа поэтических сборников 40 - 60-х годов XIX века, Л.Ляпина приводит хронологическую последовательность этапа становления и развития русского циклообразования. Если в 30 - 40-е годы этот процесс рос как бы "вширь", проявляясь в творчестве различных поэтов, то развитие лирической циклизации "вглубь" - "сознательно-композиционное совершенствование" - приходится на 50 - 60-е годы XIX в.

Процесс развития русского циклообразования, приведший к оформлению лирического цикла как жанра, проявился двояко: "через выявление нового контекста из ряда разнородных произведений", т.е. путем собрания стихотворений в определенное единство, и "через распад целостного произведения на самостоятельные части - при сохранении общего единства"⁴. Проследив два пути эволюции цикла, автор характеризует новое формообразование как явление жанрового порядка: лирический цикл определяется как группа лирических стихотворе-

¹ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. М., 1976, с.216.

² Там же, с.217.

³ Ляпина Л.Е. Указ. работа, с.35.

⁴ Там же, с.32.

ний, удовлетворяющая ряду признаков, которые должны отличать его от соседствующих явлений: прочих проявлений стихотворной циклизации, лирической поэмы, сборников и газетных подборок, циклов "эпических", "драматических" и "сатирических".

Исследовательница формулирует 5 следующих отличительных признаков лирического цикла: авторская заданность композиции; самостоятельность входящих в лирический цикл произведений; "одноцентренность", центростремительная композиция лирического цикла; лирический характер сцепления стихотворений в лирическом цикле, лирический сюжет и лирический принцип изображения"¹.

Итак, стремление лирики второй половины XIX века передать реальность и точность процесса протекания чувства или размышления постепенно стирало границы между лирическими жанрами, придавая им черты фрагментарности. "Жанровая новизна фрагмента, - отмечал Ю.Тынянов, - могла с полной силой сказаться лишь при циклизации в сборнике: из сборника вырастает новое поэтическое лицо фрагментариста-философа"².

Это замечание имеет определяющее значение для фетовского принципа циклизации, т.к. фрагментарность явилась органическим свойством лирики А.А.Фета, связанным с самыми различными элементами его поэтики.

Н.П.Сухова считает одной из важных черт фетовского фрагмента то, "что он призван выражать свободный поток чувств, лирического переживания (а иной раз, как мы сказали бы теперь, "поток сознания")"³.

¹ См.Ляпина Л.Е. Указ. работа, с.4,5.

² Тынянов Ю. Пушкин и его современники. М.,1968, с.188.

³ Сухова Н.П. Жанры лирики Фета. Автореф.дис. на соиск. учен. степени канд. филол.наук. М., 1975, с.15.

А.Фет создавал свои произведения в цикловом контексте, помещая в едином цикле разделенные десятками лет стихи, хотя они "не образуют таких любовных циклов, или своеобразных "романов" в лирике, которые характерны для Тютчева, Некрасова, а в наибольшей степени для Блока"¹.

Развитие чувства в лирике Фета, так же как и временные изменения в природе, происходят по циклу - от весны до весны. "В этом кругообороте, повторяемости, борении конечного с бесконечным заключается суть цикла по-фетовски, - резюмирует Н.Сухова. - Сам Фет в нескольких своих поэтических сборниках последовательно размещает один за другим разделы, в сущности, представляющие собой фрагменты единого развивающегося лирического переживания: "Весна", "Лето", "Осень", "Снега"².

Основополагающее значение для развития внутренне замкнутой циклизации в русской поэзии имело творчество Ап.Григорьева. Его цикл "Борьба" справедливо называют одним из "первых и наиболее характерных стихотворных циклов" в 50-е годы XIX в. (П.Громов, Л.Гинабург, Л.Долгополов, В.Сапогов). Здесь уже появилась художественная определенность в композиционной последовательности стихотворений цикла, своеобразный "лирический сюжет", что дает право отнести произведение Григорьева к лирическому циклу в современном его понимании.

Помимо становления нового жанрового явления путем объединения ряда стихотворений в целое возможен и противоположный путь - "через распад целого на части"³, рассмотренный Ляпиной на примере творчества Некрасова. Отмечая "куплетное" построение многих стихотворений поэта, автор обращается к трансформации некрасовской поэмы. Монолитность поэмы

¹ Сухова Н.П. Жанры лирики Фета. Автореф. дис. на соиск. учен.степени канд. филол. наук. М., 1975, с.16.

² Сухова Н.П. Указ, работа, с.16.

³ Ляпина Л.Е. Указ. работа. с.8.

постепенно терируется: "в их материал ... входят народные песни, драматизированные отрывки, лирические отступления, которые не только выделяются формально (графически, иным стихотворным размером), но и фактически могут выступать как самостоятельные произведения"¹. В качестве примеров приводятся песенный зачин поэмы "Коробейники" и главы поэмы "Мороз Красный нос", которые являются полноценными художественными произведениями и вне контекста поэмы. В своих поздних поэмах и стихотворениях Некрасов вплотную подходит к той границе, за которой нужно говорить уже о стихотворном цикле² - "Кому на Руси жить хорошо", "Уныние".

Подведя ко второму этапу в развитии циклизации, который приходится на творчество поэтов русского символизма, исследовательница говорит о всеобщем характере циклизации, который проявился, с одной стороны, количественно - в составлении всех значительных поэтических сборников, где "циклизация стала неременной поэтической традицией"³, и, с другой стороны, качественно, - в создании цикловой целостности на основе разнообразных конструктивных приемов.

Таким образом, жанровая структура лирического цикла канонизируется в поэтике русского символизма.

Наиболее последовательно форма лирического цикла была реализована в творчестве Блока.

В поэтике Блока цикличность как художественная возможность включения произведений в определенное единство проявляется в форме своеобразного лирического сюжета. Принципы построения лирического сюжета не только у разных поэтов, но и в каждом отдельном цикле не всегда одинаковы. Этим

¹ Ляпина Л.Е. Указ. работа. с.68.

² Там же, с.69.

³ Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца 19 - начала 20 вв. М.;Л., с.14.

объясняется сложность исследования подобных поэтических структур, не поддающихся строгой классификации.

Так, рассматривая тома блоковского "Собрания стихотворений" как единый текст, З.Г.Минц определяет, что сюжет третьего тома поэта "более или менее воплощенный в отдельных текстах (в особенности - в "Как свершилось, как случилось?..", в поэме "Возмездие" и одноименном цикле), но в целом воссоздаваемый как некий конструкт блоковской лирики, позволяющий относительно единообразно и стройно объяснить и его зрелое творчество в целом, и образную систему отдельных его стихотворений. Этот сюжет расходится с фабулой 3-го тома, если под последней подразумевать последовательность циклов тома (последняя зачастую расходится с хронологией создания циклов, т.е. обнаруживает собственно художественные, композиционные цели данного их расположения). И, как всегда, подобное расхождение оказывается дополнительным источником художественных значений"¹.

Структура лирического цикла, смонтированная из отдельных стихотворений-фрагментов, таит в себе широкие возможности образного развития мысли. Именно поэтому А.Блок ведет поиски значительного лирического характера, "созвучного эпохе, не в отдельных стихотворениях, а в контексте целой трилогии, которая многократно перерабатывалась поэтом: менялись названия и составы циклов, но сохранялся структурный принцип трехчленного деления с более дробной внутренней циклизацией каждой книги стихотворений. Следует подчеркнуть особенность цикловой организации у поэтов-символистов, которая объясняется своеобразием их поэтики: эстетическая значимость символа закрепляется в сознании читателя при помощи прилежащего контекста.

В этой связи знаменательны приведенные В.В.Гиппиусом слова А.Блока о "стихотворениях, которые могут быть поняты не отдельно, а в связи с целым циклом стихов или даже в связи с целым мировоззрением"².

¹ Минц З.Г. Лирика А.Блока. 1920-е гг. Тарту, 1975, вып.4, с.163.

² Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. Л., 1966, с.333.

Иными словами, для понимания выраженной поэтом мысли Блок требует особого контекста, в пределах которого существует своя система смыслов, формирующая значение как одного слова в поэтической строке, так и отдельного стихотворения.

И это блоковское требование в первую очередь следует учитывать при подходе к анализу его произведений. А. Блок настаивал на том, чтобы его поэзию рассматривали как своеобразную поэтическую трилогию:

"Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляет книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать "романом в стихах"; она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которым я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни"¹.

Из всей суммы циклов строится блоковская поэтическая система со сложными ассоциативными связями, которые придают дополнительный смысловой оттенок каждому стихотворению в цикле и каждому циклу в книге.

В одной из "Записных книжек" 1906 года Блок пишет важное для понимания его поэтической системы замечание: "Всякое стихотворение - покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста. В самом темном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается не ими, а темной музыкой пропитано и пресыщено"².

Стихотворение, построенное на опорных "словах-звездах", в единстве цикла берет на себя функцию "слова-острия", ко-

¹ Блок А. Собрание стихотворений. Мусaget, 1911 - 1921. М., 1922, с. 559.

² Блок А. Записные книжки. М., 1965, с. 84.

торое в контекстном окружении становится темой. "Из развития этих "тем", - пишет В.Сапогов, - строилась материальная структура "лирического сюжета, например, в "Снежной Маске" и в "Файне" Блока, где сложная и изысканная метафоризация, игра символическими значениями при величайшей напряженности лирического чувства создает органичную и замкнутую поэтическую структуру"¹.

Важнейшим конструирующим лирический цикл фактором является тематическое единство. Понятие темы в лирическом цикле "имеет смысл, скорее близкий к музыкальному термину, нежели значение "стихи на одну тему"².

Художественное распределение "тематических мотивов" организует лирический сюжет в пределах поэтического контекста, вне которого произведение теряет часть своей эстетической силы.

Для блоковского "романа в стихах" со сквозными темами, связующими стихотворения трех томов лирики, характерна многогранность лирического героя, которая объясняется тем, что поэт "строит не психологическую целостность частной личности, но эпохальное сознание своего современника в полноте и многообразии его духовного опыта"³.

Авторы ряда исследований отмечают, что становление лирического цикла шло параллельно с разрушением жанра романтической поэмы. Этот процесс проявлялся в исчезновении сюжетно-композиционного единства в поэме и вместе с тем в усилении сюжетно-тематических и ассоциативных связей между отдельными стихотворениями цикла. Наиболее характерно это для поэзии А.Блока, отличающейся особенным творческим своеобразием. Так, "Снежная Маска", написанная как поэма, стала виртуозным циклом, композиционно оформленным в "Снега" и "Маски", "а поэма "Двенадцать" была задумана первоначально как цикл стихотворений.

¹ Сапогов В. О некоторых особенностях лирического цикла.-В кн.: Язык и стиль художественного произведения. М., 1966, с.91.

² Там же, с.90.

³ Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974, с.260.

Взаимосвязанность этих художественных явлений В.Сапогов подчеркивает уже в самом определении понятия "лирический цикл"¹.

Л.Долгополов, исследуя своеобразие жанра поэмы в определенную эпоху, пишет о расширительном толковании этого термина в конце XIX - начале XX века. Это, во-первых, по-гоголевски широкое, хотя и видоизмененное в связи с характером индивидуалистической поэзии, употребление термина, к которому в начале века охотно прибегают В.Бусов и А.Белый в предисловиях к своим книгам стихов; и, во-вторых, это - традиционное жанровое понятие. "Учет этих двух значений термина, - пишет литературовед, - только и даст возможность проследить эволюцию поэмы на рубеже двух веков". И добавляет: "Тем более, что именно в поэзии конца XIX века особенно остро дает себя чувствовать процесс разрушения поэтических жанров, благодаря чему границы между различными жанрами (стихотворением и лирической поэмой и циклом стихотворений) оказываются зыбкими и неотчетливыми"².

Возникновение цикла как "синтетического" жанра лирики и явилось следствием смещения границ между лирическими жанрами. На взаимообусловленность двух параллельных процессов - зарождение новой поэтической формы и разрушение жанра романтической поэмы указывает В.Сапогов.

Сложные соотношения лирики и эпоса, сдвиги в жанровой системе обусловили кризисное положение жанра поэмы в начале XX века. "Постепенно лирический элемент романтической поэмы становится преобладающим, и именно он стал своеобразным троянским конем, разрушившим поэму изнутри, - замечает исследователь. - Лирика затопляет всю эпическую площадь

¹ Сапогов В.А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А.Блока. - В кн.: Русская литература 20 века (дооктябрьский период). Калуга, 1968, с.182; Сапогов В.А. Поэтика лирического цикла А.Блока. Автореф. дис. на соиск. учен.степени канд. филол.наук. М., 1967, с.16.

² Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца 19 - начала 20 веков. М.;Л., 1964, с.11.

поэмы: сюжетные связи между частями слабеют, а затем исчезают совсем в лирической поэме (типа "Ночной Фиалки" А. Блока). Личность автора сливается с героем поэмы и растворяется в лирическом потоке так же, как в лирической поэзии. Причем эти явления коснулись не только романтической, но и реалистической поэмы"¹.

В силу того, что фрагментарный принцип построения становится доминирующим и ведет к распаду сюжетного единства поэмы, последняя все больше сближается со стихотворным циклом. Эту особенность подчеркивает Л. Долгополов, полагая, что "поэзия продолжала нуждаться в больших поэтических формах, хотя при условии перерождения поэмы она должна была обходиться средствами лирики. Стихотворный цикл, - продолжает ученый, - как и стихотворный сборник, оказывался часто той же поэмой, но только в сугубо лирическом ее варианте"².

Рассматривая стихотворные произведения поэтов начала века, Долгополов формирует свою концепцию новых жанров поэтического творчества, которые в эту эпоху становятся основными. Эволюция категории лирического героя - то, о чем писал Ю. Тынянов в статье "Блок" (1921 г.) - и связанный с ней новый тип лирического творчества существенно повлияли на жанровую структуру поэзии. Композиция новых жанровых образований художественно детерминирована. И лирический цикл и лирическая поэма сходны между собой в силу своеобразной организации лирического сюжета. Долгополов замечает: "Основная жанровая доминанта по-прежнему остается закрепленной за образом лирического героя, который становится теперь не только лирическим, но и сюжетным центром произведения"³.

Сюжет основывается не на событиях, а на вариациях настроен-

¹ Сапогов В.А. Поэтика лирического цикла А. Блока. М., 1967, с.7.

Сапогов В.А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока. - В кн.: Русская литература 20 века (досюльтарский период). Калуга, 1968, с.181.

² Долгополов Л.К. От "лирического героя" к стихотворному сборнику. - В кн.: На рубеже веков. Л., 1977, с.112.

³ Там же, с.114.

ния, поэтому субъективное начало в новых поэтических формаобразованиях является доминирующим.

Но, указывая на несомненное сближение поэмы и "синтетического" жанра лирики - цикла стихотворений, исследователи вместе с тем различают и разницу между ними. Об этом говорит В.Сапогов: "...в лирических циклах, особенно протяженных, линки поэтических ассоциаций как бы "раздроблены" и отстоят друг от друга на значительном расстоянии, при этом ассоциативная разорванность не нарушает определенного смыслового ритма, ритма образов, т.е. отдельно взятое стихотворение не обязательно как-то связано с предыдущим, но каждое стихотворение обладает определенным интонационным "напряжением" и распространяет это напряжение на остальные пьесы цикла, создавая общее "интонационное поле", вне которого изолированные от контекста стихотворения теряют часть своего эмоционального заряда"¹.

Таким образом, лирический цикл как особое жанровое образование, допускающее многообразие принципов построения произведений, несет в себе широкие возможности для развития поэтической формы произведения. Он получил широкое распространение как в русской, так и европейской поэзии. Принцип цикловой организации стихотворных сборников характерен и для поэзии наших дней, однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной статьи.

¹ Сапогов В. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А.Блока. - В кн.: Русская литература 20 века. Калуга, 1968, с. 187 - 188.

О.Л.Озолинь
ЛГУ им.П.Стучки

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГА-
ТЕЛЬНЫХ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В номинации вещественного признака в современном французском языке активно взаимодействуют вещественные прилагательные (ВП), аналитические конструкции (АН) и адъективированные существительные (АС). Цель данной статьи - показать взаимоотношения между указанными единицами.

В ходе исследования обнаруживается, что ВП могут вовсе отсутствовать: de crin(gant), de guipure(rideau), de chêne(plancher), d'acajou(table). Функционирование аналитической модели в качестве единственного способа вещественной характеристики обусловлено явлением лексического параллелизма¹. Наличие лакун в лексических параллельных рядах приводит к неизбежному функциональному замещению слов одной части речи словами другой: рожь-ржаной, но seigle - de seigle. Незаполненность ряда прилагательных порождает стремление языка заполнить образовавшуюся брешь этимологически чуждым, но семантически сходным материалом: d'eau-aquatique-aqueux, de papier-papetier. Подобные образования, как правило, семантически неадекватны: l'industrie papetière-pappe de papier, riveteuse à papier, franc papier, roche calcaire - mur de chaux, fours à chaux; lésion cutanée-sac de peau, ville aquatique не эквивалентно ville d'eau.

Несмотря на тождество дистрибуций, формальное различие в данном случае служит целям дифференциации лексического значения атрибутивных словосочетаний. Этимологически нерод-

¹ Термин принадлежит Л.А.Кировой I I, с.7 I. Обозначает явление существования в языке семантически соотносенных рядов однокорневных слов в составе разных частей речи.

ственные единицы, коррелирующие в отдельных ЛСВ^I, противопоставляются по стиливым свойствам: *vert aquatique* (термин живописи) - *vert d'eau* (худ. стиль); *eau pluviale* - *eau de pluie*, а также по дистрибутивным признакам: *plantes aquatiques-plantes, veg, perdrix d'eau*. ВП испытывает обычно тяготение к antecedентам, обозначающим родовые понятия, тогда как АК тяготеет к видовым понятиям. Возможно также соотношение обратного порядка: *allergie, cancer cutané - maladie de peau*. Полное семантическое и дистрибутивное тождество между образованиями исследуемого типа наблюдается лишь в терминологиях: *vapeur aqueuse/d'eau, sel sulfurique/d'or* (химия).

Изучение разноструктурной синонимии свидетельствует о том, что большинство АК имеет в современном языке однокоренные, этимологически родственные цельные ВП: *d'acier-acier-acier-acier*, с которыми они образуют разноструктурные парадигматические ряды в системе имени прилагательного. Данное обстоятельство убеждает в том, что появление и функционирование АК и АС обусловлено не только стилистически, как это полагают некоторые лингвисты I 2, с.102; 3, с.371, а вызывается чисто системными факторами.

В результате семантического анализа всего наличествующего материала обнаружены три группы единиц: однокоренные словообразовательные варианты (ОСВ), однокоренные синонимы (ОС), разные. Указанные типы взаимодействуют в пределах 243 разноструктурных однокоренных параллелей, распределяющихся следующим образом: параллели с ОСВ (17), параллели с ОС (79), параллели с ОСВ и ОС (5), параллели с разными компонентами (142). Рассмотрим каждый из указанных типов.

I. Разноструктурные однокоренные параллели с полностью равнозначными элементами (17 - 7%).

De potassium-potassique. Обе формы характеризуются абсолютным тождеством семантических, дистрибутивных и стиливых признаков, что способствует взаимной субституции элементов без изменений смысла словосочетаний, в которые они входят: *les sels de potassium-les sels potassiques*. Данный

I ЛСВ - лексико-семантический вариант.

факт позволяет их отнести к ОСВ. Подобные дублетные образования, обнаруживающие полное тождество по всем языковым аспектам, характеризуют главным образом терминологические подсистемы: *éthers d'épou - éthers époulique*. Различия проявляются в употребительности форм. Наиболее функционально нагруженными являются ВП. Выйдя за пределы специальных сфер, равнозначные образования противопоставляются, как правило, не только по употребительности, но и по стилистическим, временным и дистрибутивным свойствам. В частности, однозначные *de plastique* и *plastique* дифференцируются по дистрибутивному признаку. АК обнаруживает широкую сочетаемость с ЛСГ существительных, обозначающих конкретные предметы, тогда как синтетическая форма встречается в основном с *matière/ cube, sac, épingles de plastique - protèse en matière plastique*.

Тождественные по смыслу *vinylique-de (en) vinyl-vinyl* дифференцируются по стилистическому признаку и употребительности. ВП свойственно книжному стилю: *tissu vinylique*. Форма с *en* и АС распространены в рекламе. Причем, АС фигурирует обычно в рекламном слогане, требующем максимальной экономии средств и выразительности: *manteau vinyl doublé*. Конструкция с *en* концентрирует внимание покупателя на материале, из которого изготовлен предмет: *bagages de luxe en vinyl épais granit*. Взаимная субституция разноструктурных единиц в таких случаях ограничена стилистическим и структурным факторами, так как признак, выраженный существительным, может иметь свое определение и, следовательно, более всесторонне и глубоко характеризовать определяемое, что ВП не свойственно.

Изучение равнозначных разноструктурных параллелей современного французского языка позволяет заключить, что дублетные образования в настоящий период являются весьма редким языковым явлением. Они, как правило, однозначны, коррелируют преимущественно в прямых значениях и характерны в основном периферийным терминологическим подсистемам. В общеупотребительной же лексике при полной равнозначности почти всегда можно уловить намечающуюся тенденцию к функционально-стилистической дифференциации либо в сферах употребления

и употребительности, либо во временной определенности и дистрибуции. В этом находит свое проявление основная закономерность в развитии словарного состава - тенденция к сохранению и повышению коммуникативной четкости словарных единиц, обуславливающая "ликвидацию бесполезных различий в языке" I 4 с. 130 I.

II. Разноструктурные однокоренные параллели, включающие частичные синонимы (79 - 32%).

De pétrole синонимизируется с однокоренными ему разноструктурными образованиями по четырем ЛСВ. По значению "содержащий" оно вступает в парадигматические отношения с pétrolier и pétrolifère; gisement's pétroliers, gisement pétrolifère, gisements de pétrole. Материал показывает, что ВП являются, как правило, достоянием книжных стилей литературной речи. Характеристика предмета на основе отношения происхождения объединяет в один синонимический ряд pétrolier-de pétrole: gaz, huiles, éther de pétrole-les produits pétroliers. АК обладает более высокой частотностью. К тому же, конкурирующие формы дифференцируются синтагматически: АК обнаруживает предпочтение к сочетаемости с конкретными antecedентами, образуя с ними устойчивые терминологические словосочетания, тогда как ВП тяготеет к абстрактным родовым понятиям. Следовательно, взаимной субституции эквивалентных форм препятствует дистрибутивный фактор и фразеологическая связанность АК. Обе формы взаимодействуют также в значении "относящийся к веществу, к его производству": l'industrie pétrolière, les sociétés pétrolières, les compagnies pétrolières, des trusts pétroliers, raffinerie de pétrole, trusts du pétrole. В данном употреблении наиболее частотной оказывается ВП. Наоборот, в выражении объектных отношений доминирует АК: nos importations de pétrole, les approvisionnements pétroliers. Следует указать на закономерность, отмеченную еще Л.Карсон I 5, с.174-175 I: спаянность компонентов атрибутивного словосочетания с ВП прочнее, чем с АК. Последняя способна находиться в дистантной позиции к определяемому, что исключается для цельной формы: les plus grands producteurs mondiaux de pétrole. Кроме то-

го, признак, выражаемый АК, может получать дополнительную характеристику: *des livraisons de pétrole irakien*.

Выражение назначения осуществляется посредством трех вариантных структур: *pétrolier, à (de) pétrole; navire pétrolier, des bidons de pétrole vides, tank à pétrole*. Одновременно дифференцирует указанное значение модель *a + N*, что, по-видимому, обеспечивает ее доминирование в ряду. Дифференцирующими признаками АК являются значения посессивной характеристики: *l'odeur de pétrole, "formé de": une pellicule de pétrole* и выражение субъектных отношений: *une fuite de pétrole*. ВП же участвует в создании устойчивых терминов типа *certificat pétrolier, géologue pétrolier*, а также образует комплексы типа *problème, scandale pétrolier*, в которых ВП указывает на связь определяемого слова не с предметом, названным производящей основой, а целым комплексом понятий, сигналом которого служит основа ВП, в силу чего его содержание оказывается шире однокоренной АК. Субституция ВП АК исключается. Релевантным ВП в данном случае являются описательные конструкции. Подобные образования, благодаря своей экономности, лаконичности, широте выражаемых значений, способствующих оптимизации информационных свойств языка, находят широкое распространение особенно в публицистических стилях. Следует, однако, отметить, что тенденция к образованию широко информативных словосочетаний, представляющих собой эллиптические преобразования многословных описательных оборотов, свойственна также, хотя и в меньшей степени, АК и АС: *des séjours de neige, initiatives-neige, train de neige, la classe de neige, le plan de neige*. ВП *neigeux* не обнаруживает подобной функции, оно обозначает наличие какого-либо свойства, качества, часто с указанием на его обилие: *cimes, pic, hiver, temps neigeux*, или же выражает сходство по цвету: *couche, tulle neigeux*. В обоих значениях с ним коррелирует АК: *couche, temps, lèvres, barbe de neige*. Но выбор варианта в первом случае предопределяется условиями распространения словосочетания. Так, в *par temps de neige et de vent* единственно возможной формой является АК, так же как и в *un sale re-*

tit temps de neige fondue. Таким образом, АК оказывается шире ВП как по семантическим, так и по синтагматическим характеристикам. Ср.: *des chutes de neige, les vacances de neige, les sports, tempoête, boule, manteau, tas, classes de neige*. В обозначении качественного признака доминирует ВП.

Таким образом, основным критерием для определения синонимичности разноструктурных образований служил частичное совпадение ЛСВ коррелирующих форм. Большая часть их существенно различается как по семантике, так и по сочетаемости, обнаруживая общность лишь в части ЛСВ (неполная семантическая эквивалентность).

III. Третью группу составляют смешанные параллели с равнозначными элементами и частичными синонимами (5 - 2%).

Так, в ряду *de granit-granit-granitique-granité-granitaire-granitoïde* полное тождество семантических объемов обнаруживается у однозначных *granité-granitaire-granitoïde* и *granit*, указывающих на сходство по структуре. С ними взаимодействует многозначное *granitique*: *papier granité, sol, roche, terrain granitique, roche, pierre granitoïde, drap granit*. Следует отметить, что ВП ограничены сферой книжного стиля. В общелитературном языке распространено ВП *grenu*: *peau, cou, cuir grenu*. АС же встречается как в научном стиле, так и в рекламе: *bagages de luxe en vinyl épais granit*.

Отношение неполной эквивалентности связывает в ряду *de graniti granitique*, синонимизирующиеся в переносном значении "твердый, как гранит": *coeur, âme de granit, le coeur le plus granitique*. Данный ЛСВ объединяет в одну аналитическую парадигму этимологически нетождественные *de pierre, de diamant*: *coeur de diamant, de pierre (insensible, dur)*. Как явствует из анализа, ВП специализируются главным образом в выражении качественных признаков, тогда как АК является основным носителем прямых значений. Ср: *ville de granit, bloc de granit*, хотя и не исключают возможности переносного употребления: *les yeux d'un gris de granit, âme, coeur de granit*.

ВП *fromenté* эквивалентно по содержанию *froment*, обе

единицы однозначны и указывают на сходство по цвету, в силу чего могут быть отнесены к разряду ОСВ: un bovin à la robe fromentée - de couleur froment. Однако первое ВП в отличие от второго характеризуется узостью дистрибуции, поскольку закреплено за одним носителем признака - bovin. De froment и fromentacé выражают отношение к предмету как носителя признака в контексте с существительными, обозначающими различные ощущения: odeur de froment écrasé, une odeur fromentacée louce. В силу структурных особенностей АК, коррелятивны, несмотря на тождество дистрибуций, не взаимозаменяемы. К тому же, в указанном ЛСВ ВП встречается редко, так как специфично для языка ботаники: plante fromentacée. Дифференцирующим значением группы является ЛСВ "сделано из": pain de froment.

IV. Четвертая группа включает разноструктурные параллели с семантически разными единицами. Это самая многочисленная группа исследуемой категории прилагательных (142 - 59%). Входящие в нее компоненты характеризуются полным несовпадением ЛСВ и, как правило, различными синтагматическими свойствами. В ходе исследования выяснилось, что функциональному размежеванию однокоренных форм способствуют следующие факторы:

1) Образование по разным структурным моделям (отсубstantивным или отглагольным): unseau d'émail-des ustensiles émaillés, un charreau de paille-une chaise paillée.

2) Развитие разных значений исходных существительных: manche de corne (вещество) - bêtes cornues (часть тела); table de bois (вещество) - le pays boisé (растение).

3) Специализация суффиксов: -eux - "соответствие, подобие"; -é - наличие признака; -ier - отношение к материалу, к его производству и т.п.: une boîte de caoutchouc-une viande caoutchouteuse-industrie caoutchoutière, beurre de cacao-farine cacaoée.

4) Стилиевая дифференциация: candelabres, comptoir de zinc (общеупотребительная форма) - l'acétolyse du complexe zincique (химия); le désert sans eau (общеупотребительно) - sel anhydre (химия).

5) Специализация форм в подъёмках различных наук:
oxyde de tellure-acide tellurique-anhydride tellureux.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что параллелизм между АК, АС и ВП проявляется не только в грамматическом значении и синтаксических функциях, но и в процессах самого семантического взаимодействия между одноструктурными и разноструктурными образованиями. Общее наблюдается: а) в наличии одинаковых параллелей и типов лексем (ОСВ, ОС и разные); б) в количественном отношении выделенных параллелей: в исследуемый период преобладают параллели с полнотью или частично дифференцированными единицами (93% - 226 из 243), равнозначные параллели являются исключением (7% - 17), обнаруживая, к тому же, явную тенденцию к семантико-стилистическому размежеванию; в) в способности коррелировать не только с этимологически родственными, но и этимологически нетождественными единицами; при этом формы, как правило, получают стилевую маркированность: *dent lactéale, fièvre lactée* (медицина) - *dent, fièvre de lait* (общеупотребительно); г) в объеме коррелирующих ЛСВ синонимических лексем: АК выступает как синоним ВП преимущественно в одном (79%), реже в двух (13%) значениях, что в значительной степени обусловлено процессами специализации в языке.

Подобно цельнооформленным конкурентам, АК и АС способны участвовать в образовании устойчивых номинаций терминологического характера, а также служить оптимизации информационно-коммуникативных свойств языка, формируя словосочетания с семантически сложными отношениями. Исследование убеждает в том, что АК и АС существуют и функционируют в языке не изолированно, но с момента появления активно вступают в различные системные отношения с уже существующими единицами, подчеркивая тем самым системный характер словообразования (аффиксального, аналитического и семантического).

Наблюдения позволили установить факторы, предопределяющие в большей или меньшей степени появление той или иной формы:

1) Невозможность образования от ряда именных основ ВП.

- 2) Семантическая специализация форм.
- 3) Стилистическая дифференциация форм; размежевания в стилиевой, временной и социальной определенности.
- 4) Дистрибутивная связанность форм (закрепленность за определенным носителем).
- 5) Фразеологическая связанность форм (терминологичность словосочетаний).
- 6) Условия распространения словосочетаний.
- 7) Характер синтаксических отношений. Так, аналитическим формам в большей степени свойственно обозначение объектных, субъектных отношений, отношений к предмету как носителя признака. Они являются основным носителем значения однородности вещественного состава и назначения, единственным выразителем инструментальности и характеристики на основе отношения целого к части. В свою очередь, ВП указывает преимущественно на наличие качества, свойства, на отношение к объекту производства, на локальный признак, а также на сходство по внешним и внутренним признакам с материалом, обозначенным исходным существительным. Употребление синонимических разноструктурных единиц в номинации вещественного признака обнаруживает обусловленность форм фактором функциональной направленности языка: ВП преобладает в книжных стилях, АК - в общелитературном языке, АС - в рекламе и технике.

Литература

1. К и р о в а Л. А. Частотность и принципы выбора морфолого-синтаксических типов в сфере выражения атрибутивных отношений. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Киев, 1968. 220 с.
2. G e o r g i n R. Les secrets du style Paris, PUF, 1962. 180 p.
3. S c h m i d t R. L'adjectif de relation en français, italien, anglais et allemand. Etude comparée. Tubingen, 1972. 210 p.
4. М а р т и н е А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., Иностр. лит., 1960. 261 с.
5. S a r l s s o n L. Le degrés de cohésion des groupes Subst. + de + Subst. en français contemporain. Uppsala, 1966. 220 p.

СОДЕРЖАНИЕ

1. В.И. Агамджанова. О двух подходах к контексту как объективной реальности 3 ✓
2. М.А. Душмане, Б.Л. Лихтерова. Языковые средства выражения функционально-семантического значения итеративности в современном немецком языке 16 ✓ 2 к
3. Р.Х. Вольперт. К проблеме коннотативных значений грамматической метафоры 25 ✓
4. Т.В. Король. Конфронтативный анализ на семантико-синтаксическом уровне 40 ✓
5. В.П. Рапа. Явление двойной лексикализации в современном английском языке 46 ✓
6. Н.Б. Рымарь. Коннотативная нагруженность транспозиций внутри отряда немецких личных местоимений 60
7. Е.Н. Айзбалт. К вопросу о сопоставлении семантического объема элементов функционального класса А в однотипных синтаксических конструкциях 86
8. Л.В. Спроге. Проблема жанровых новообразований в литературоведческих исследованиях.. 98 ✓
9. О.Л. Озолинъ. Семантические корреляции вещественных прилагательных и их функциональных эквивалентов в современном французском языке 110 ✓

СЕМАНТИКА НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ
Межвузовский сборник научных трудов

Редактор Р.Довгополова
Технический редактор И.Андерсоне
Корректор И.Андерсоне

Подписано к печати 16. II. 78. ЯТ 12365 Ф/б 60x84/16.
Бумага №1. 7,8 физ. печ. л. 7,3 усл. печ. л. 5,8 уч.-изд. л.
Тираж 400 экз. Зак. № 1647. Цена 37 к.

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано на ротапринтере, Рига 226050, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

37 №.

44 / 2734

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508049666